

Андрей Ласки

ОСТРОВ ЗВЕЗД

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анджей Ласки

Остров звезд

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68797155

SelfPub; 2023

Аннотация

Номинация "Книга года" премии "Электронная буква 2023" Кейси Ретимски – лидер и вокалист культовой рок-группы "Блудный сын". У него есть все, о чем только можно мечтать: деньги, слава, поклонницы, дом на берегу океана. Каждый день он купается в любви фанатов! Но все меняется в один момент: после трагической гибели лучшего друга многое приходится переосмыслить и, в первую очередь, то, как жить дальше?.. Совершенно случайно он узнает о загадочном острове звезд. Какая тайна там скрывается? Новый роман писателя Анджея Ласки приподнимает завесу закулисной жизни звезд. Интриги, скандалы и теория заговора – все это вместе на страницах "Острова звезд".

Содержание

ЧАСТЬ I	5
ГЛАВА 1. КЕЙ-АККОРД	5
ГЛАВА 2. БЛУДНЫЙ СЫН	15
ГЛАВА 3. ПЕРВЫЙ ЕР	29
ГЛАВА 4. VOODOO PEOPLE	42
ГЛАВА 5. ЗОЛОТАЯ ЖИЛА	49
ГЛАВА 6. СИМБИОЗ	62
ГЛАВА 7. ЭТО ЗНАЧИТ «НЕТ»	69
ГЛАВА 8. ПРИВЕТ, МИСТЕР ШОРТ!	85
ГЛАВА 9. СЛЕДУЙ ЗА МЕЧТОЙ	94
ГЛАВА 10. ПОРА ЗАЖЕЧЬ!	101
ЧАСТЬ 2	111
ГЛАВА 1. Я ЕЩЕ ЖИВ!	111
ГЛАВА 2. ГЕРБЕРТ	121
ГЛАВА 3. КЛУБ 27	130
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Анджей Ласки

Остров звезд

Данная книга является художественным произведением, не пропагандирует и не призывает к употреблению наркотиков, алкоголя и сигарет. Книга содержит изобразительные описания противоправных действий, но такие описания являются художественным, образным, и творческим замыслом, не являются призывом к совершению запрещенных действий. Автор осуждает употребление наркотиков, алкоголя и сигарет.

Все события книги выдуманы. Любое совпадение персонажей с реальными людьми или эпизодами их жизни является случайностью. Автор следует только творческой задумке и не хочет оскорбить чувства фанатов и родственников упомянутых в книге реально существующих или существовавших людей. Никогда ничего подобного не происходило на самом деле.

ЧАСТЬ I

ГЛАВА 1. КЕЙ-АККОРД

Я не помню жизнь без музыки. Она сопровождала меня с самого рождения. В ту самую секунду, когда доктор поднял новорожденного меня над головой, как Симбу¹, чтобы предъявить миру, родовая палата была наполнена чарующими звуками песни. Не только моим первым криком, но и волшебными нотами, из которых ловко складывалась мелодия. Я бы сам никогда не вспомнил, спасибо маме, которая годы спустя напомнила мне. Это были «Queen» с их классической «Богемской рапсодией», тот самый странный момент с оперной вставкой из-за которой в околomuзыкальном мире было так много споров. Музыка разливалась по палате, качала на волнах, подхватывала дивными голосами, вопила из динамиков почти на всю громкость. Она же и заглушила мой первый крик, вдруг скакнув на высокую «си» и перейдя в тяжелое гитарное рок-соло.

Акушерка, прижав меня к груди, осторожно передала на руки маме, а сама отошла и продолжила восторженно слу-

---

¹ Симба – главный герой мультфильма компании Disney «Король-лев».

шать песню, отбивая в такт ногой.

С того самого дня музыка стала неотъемлемой частью меня. И где бы я ни находился, куда бы ни шел, куда бы ни бежал, летел или плыл, просто перемещался по горизонтальной поверхности без всякого смысла, она всегда звучала в ушах. Она стала мной, даже больше. Скорее, я стал ее частью. Частенько, по утрам, себя и всю свою человеческую основу я собирал из ее звуков, совершенно растворяясь в ней.

Кто-то там придумал, что в одной октаве всего семь нот, но я всегда был готов поспорить. Ведь кроме всем известных до, ре, ми, фа и так далее до следующей октавы, как и в спектре цветов – оттенков, существовали полутона. Надо было всего лишь суметь услышать их. Например, моя любимая нота «соль» содержала около ста пятидесяти полутонов, почти как розовый цвет, а жирная, насыщенная басами, особенно в низкой октаве «до», и того больше – как доминантный зеленый, что тремя сотнями оттенков может поспорить с любимыми другими цветами богатой палитры.

За любовь к музыке школьные друзья, шутя, называли меня Кейси-аккорд, а некоторые сокращали до Кей-аккорда. И кто-то, самый продвинутый, даже умудрился вывести его на черно-белых клавишах пианино, и звучал он до одури странно. Впрочем, каким-то волшебным образом всегда совпадал с моим настроением и таким же характером.

Сколько себя помню, мне всегда везло. Уж не знаю, моя ли музыкальная натура влияла или просто то, что я родил-

ся под счастливой звездой. Если уж и говорить об этом, то везение мое было достаточно условным — я никогда не выигрывал миллионов и не срывал куш в игровых автоматах в казино в Лас-Вегасе потом, но в уличных драках, если такие случались, мне доставалось меньше всех. Весьма относительное везение, правда? Но даже это мне приносило ни с чем несравнимое удовольствие.

Вот так, сквозь нотную радугу, я и воспринимал окружающую меня действительность. Воспринимал, пропускал ее через музыку, и только тогда принимал ее. А приняв как факт, понимал. Весь мой внутренний мир, все присутствующие во мне чувства и эмоции, каждое из них — обязательно были окрашены в какой-либо музыкальный фон. Разложены по полочкам, как по нотам. По-другому я просто не умел, моя сущность противилась тишине в любых формах и проявлениях.

Мне никогда не мешало это в жизни, напротив, творческая натура, пронизанная музыкой насквозь, всячески находила выход в скучной рациональности. И, в том числе, помогала решать любые проблемы, благодаря более живому уму и нестандартным решениям.

Я искренне боялся, что, когда я повзрослею, все мое чудесное восприятие однажды исчезнет, растворится в серых буднях, и мне придется мучительно мириться с происходящим уже без того легкого саундтрека в голове. Но годы шли, а я все так же, как и детстве, был переполнен музыкой с го-

ловы до пят. Она не отпускала меня ни на миг, поэтому однажды я просто запер все свои страхи в темную кладовую и забыл о них навсегда.

Чтобы хоть как-то уравновесить излишки внутреннего мира с миром внешним, родители приняли решение отдать меня в музыкальную школу. И правильно сделали, потому что именно там я нашел все, что мне, шестилетнему сорванцу, надо было – в первую очередь призвание, и уже потом всех самых лучших друзей, которых не смогла подарить жизнь вне этих стен. О чем еще можно было говорить?

Мы были повязаны музыкой, увлечены ею до сумасшествия. Часто ни о чем другом и не говорили, скатываясь к по- нотному разбору известных произведений от «Фуги и токат- та» Баха и «Симфонии №40» Моцарта до «военной» «Сим- фонии №5» Прокофьева – всего того, что нам преподавали. Искренне спорили, и часто срывали голоса, с сожалением пропуская очередное занятие по хору.

А, порой, если мы узнавали, что кто-то из нас тайком ска- тывался к современной эстраде типа «Modern Talking» или «Savage», то шуток в его сторону было не избежать. Да что там шуток, до бойкота было недалеко. Много ли мы пони- мали в те годы?

Впрочем, я искренне был рад всем, кто окружал меня то- гда. Рад и благодарен за ощущение столь близкого братства и крепкого дружеского рукопожатия всем моим друзьям.

Позже, как и полагается, мы сколотили музыкальную бан-

ду. Играть и петь толком не умели, но, несмотря на это, гордо держали в руках гитары, подмигивая очередной красавице, что крутила бедрами рядом со сценой. Ведь все с чего-то начинали, так успокаивали мы себя, даже великие The Beatles². Джон, Пол, Джордж, Ринго – английская четверка была большим авторитетом, за их славой мы гнались, раздувая вокруг себя ветер, дым от сигарет, ванильные запахи девчачьих духов, и чьи песни настолько навязли у нас на зубах, что даже ночью я часто просыпался от очередного мотива, который накрепко засел у меня в голове.

У нашей группы даже не было названия. Можно было придумать, что-нибудь типа «The Alligators³» или «The Hawks⁴» – такое пострашнее, с зубами и когтями, хищное, какими мы, по сути, желторотые юнцы, представляли себя в пубертатных снах, но просто тогда никому и в голову не пришло. А когда нас хотели позвать, чтобы сдобрить очередной вечер живой музыкой и популярными хитами – школьный вечер, или местную вечеринку – обычно говорили: «Давайте позвоним этим...» И все прекрасно понимали о ком идет речь. Пожалуй, так и надо было назвать группу «Позвони этим!» – много ли странных названий в мире? Одним больше – ничего бы не изменилось. Какие уж там аллигаторы?!

---

² The Beatles – британская группа из Ливерпуля, рок-легенда 60-х годов. Название группы складывалось из двух слов: «beat» – бить и «beetle» – жук.

³ The Alligators – Аллигаторы

⁴ The Hawks – Ястребы

Но это было не творчество, а так, хобби, развлечение, не больше, и все заканчивалось кавер-версиями популярных в то время песен. В нашем репертуаре были хиты начиная с «The Beatles» и «Bee Gees» до легендарных баллад «The Eagles» и «Scorpions», чтобы в танце можно было пощупать очередную подружку за попку. А в виде оплаты музыкантам позволялось прикоснуться к столу, в том числе и с алкоголем. Нам большего и не надо было. Ведь даже это было круто! Так что по утрам некоторых из нас находили где-нибудь, в лучшем случае, в родительской спальне, храпящими на огромной кровати, или под лестницей на горе старых матрасов. Но такое случалось редко. Чаще, облеванными где-нибудь под деревьями в саду или около бассейна находили мы себя сами. Здравствуй, утреннее неумелое похмелье!

И так продолжалось довольно долго – до тех самых пор, пока наши инструменты были лишь дополнением, но не частью нас самих. Мы долго шли по грани, не понимая, чего нам надо на самом деле. Сколько – год или два? Уже и не вспомнить. Быть группой «на подхвате» – так себе перспектива, хоть и наш чужой репертуар был довольно неплох. Кто-то и на этом делает карьеру. Но, признаться, для меня изначально все это был обман, в первую очередь, себя самого. Я чувствовал, что могу достичь гораздо большего. Да что там чувствовал, я был абсолютно уверен! В тот момент зерна моих будущих больших амбиций уже упали в землю и дали уверенные ростки.

Мы набрали обороты. И, как это часто случается, вдруг стало ясно, насколько тесно в тех музыкальных рамках, которые мы так неумело задали сами себе. Это было прозрением, моим новым прочтением музыкальной Библии – сольфеджио. Я вдруг понял, что давно уже ищу свое имя среди других в рок-энциклопедии. Таких туда не берут, это уж точно! Пока ты лабаешь чужую музыку у микрофона, жизнь стремительно пролетает мимо со скоростью гудящего экспресса. И даже в нем тебе не уготовано места, пусть и самого плохого – в проходе, на боковом сидении, возле туалета.

Чужие песни хороши лишь тем, что все их знают, и только поэтому хлопают тебе, улыбаются, восторженно пищат при очередных знакомых аккордах. А что я вложил? – только свое умение перебирать по струнам, и маленькую толику голоса. Такой ералаш⁵ из всем известных хитов. Хотя, надо быть честным, окружающей толпе во сто крат было бы приятнее увидеть на сцене настоящую звезду. Вот тогда бы точно пар пошел из штанов. А я лишь жалкое подобие, зиц-звезда⁶, неумело замещающая ее, настоящую, на музыкальном подиуме.

Не то, чтобы подобная мысль не приходила раньше, но она алела где-то на горизонте вместе с той зарей, что я часто встречал, сонно открывая глаза в обнимку с гитарой. Она

---

⁵ Ералаш – беспорядочная смесь чего-либо, микс, в данном контексте – песен.

⁶ Зиц-звезда – музыкант, исполняющий роль настоящей звезды, номинальная звезда.

вспыхивала и тут же гасла, как и я сам, вновь закрывая глаза и проваливаясь в очередной бесцветный сон, за которым маячил печальный рассвет вкупе с моей раскалывающейся башкой и желанием высосать из ближайшей бутылки хотя бы пару глотков холодной водопроводной воды.

К счастью, очередное прозрение наступило раньше, чем я успел прикоснуться к первой бутылке пива во время нашего выступления. Прямо там, на сцене, так и замер, зажав гитару в руках, в перерыве между песнями. Я вдруг решил рискнуть и полностью сменить репертуар группы – отказаться от чужих песен и начать писать свои. Этой мысли надо было дать время, немного больше, чем было у меня. Она пронзила, окатила ледяной водой из ушата, до дрожи.

– Извините, – я подошел к микрофону, отставив бутылку. – Мне надо пи-пи, – я понимал, что стоит немного успокоиться, привести себя в чувство, иначе было не до песен.

В зале раздался хохот.

– Ему надо в туалет, вы слышали? А кто тут будет музыку играть?

– Извините, – повторил я смущенно и пулей вылетел со сцены.

– Пять минут перерыв, – у микрофона стоял Хемингуэй, басист нашей безымянной группы, удивленно смотревший мне вслед. – Наливаем и пьем! Наливаем и пьем!

– Наливаем и пьем! – пространство перед сценой заполнилось хором голосов и звоном стеклянной посуды.

«Ты спас меня, брат», – я показал ему большой палец.

– Не знал, что тебе так приспичит, – повернулся он в микрофон.

Нет, не спас – зал изнемогал.

Так что же. Я решил писать песни – свои песни.

Нет, такое случалось и раньше, но было не более чем баловство. Я и не пытался сделать из текста нечто большее, чем просто набор букв, связанный единой темой. Рифмовал слова, между строчек оставляя самую суть – мол догадайтесь сами. Как и все подобное. К тому же, в них безошибочно ощущалось влияние любимых групп и исполнителей. А это, согласитесь, своего рода, тоже те же самые перепевки с похожей музыкой, пускай и с другими словами. Думаю, что любой первый встречный адвокат смог бы доказать плагиат, банально сравнив мелодии на слух. А авторское право еще никто не отменял. Возможно, мне просто не хватало опыта и вдохновения, а, скорее всего, выступления перед толпой людей, которые обязательно напьются через пару часов и к утру совершенно забудут, что у них побывала музыкальная группа – останется лишь фон, сдобренный утренним перегаром – не добавляли нужного стимула. Мне лишь только было важно находиться в потоке, в ревущей толпе. Поэтому днем мы репетировали в гараже, а вечером отжигали.

С мыслью о том, что необходимо менять все, я и вернулся на сцену, переборов внутренний голос, который старался заглушить остатки разума.

- Ну что, успел добежать до туалета? – раздался голос, сдабриваемый смехом гостей.
- Все отлично! – я показал большой палец толпе.
- Бывает, – хохотнул кто-то из парней за спиной.
- Мы продолжаем, – я улыбнулся залу, не обратив внимания на выпад. – И, раз-два-три. Can't buy me love her...⁷

---

⁷ Can't buy me love – четвертый сингл The Beatles.

ГЛАВА 2. БЛУДНЫЙ СЫН

Так вот я и засел за свою первую настоящую песню. Как оказалось, писать полностью всерьез, а не проездом, куда труднее. Уже не отмажешься тем, что тебе было по фигуре или не хватило времени. Но не было и такого, чтобы я из себя что-то выдавливал, нет. Было и сложно, и просто одновременно. Так хотелось сразу о многом рассказать, вложить сакральный смысл, который был в других песнях, рассказать историю – важную, честную историю, хотя и придуманную. Как легендарная «Богемская рапсодия», услышанная в первую минуту моего появления на свет.

Она, первая настоящая песня, тоже рождалась в муках, приходила ко мне постепенно, поджидая в самых неожиданных местах: чистишь с утра зубы, пялясь в полусонное лицо с темными синяками под глазами после вчерашней попойки, и в голову приходит сравнение с пандой, или рассекаешь на старом «Кадиллаке» до репетиционного гаража, подхватывая ветер в шевелюру, и все это складывается в зарифмованный текст. Там слово, тут строка. Паззл собран – песня родилась.

Я записывал слова и рифмы на кусках бумажек, салфетках, туалетной бумаге, на всем, что находилось под рукой, подходя к своей песне, порой даже слишком обстоятельно,

словно решал уравнение, ответом которого и должен быть сложившийся текст.

Пара недель случайного труда, все эти записки, огрызки с текстом, рассованные по карманам. Складывал и складывал их в карманы, что тот хомяк еду за щеки. А тем временем мы продолжали репетировать и выступать за гонорар в четыре банки пива и пачку чипсов.

– Ты будешь кормить нас молоком? – усмехнулся как-то Хайер, кивнув на мои нагрудные карманы, что разбухли от скомканных бумажек. Да, они и вправду походили на грудь кормящей матери.

– Нет, – я кивнул на оттопыренные карманы джинсов, которые тоже были наполнены творческими идеями, – дам тебе лизнуть мои стальные яйца!

Эрл и Хемингуэй зашлись в хохоте. Хай, пропустив скабрёзность, продолжил настраивать гитару, как ни в чем не бывало. Я уел его, в кои-то веки.

Так и летели дни.

Я собирал свою настоящую песню по крохам, по словам, по фразам. Составлял и так, и эдак, пытаюсь что-то получить от Вселенной, более осознанное, чем опостылевшая рифма «кровь-любовь». И так продолжалось до тех пор, пока однажды я не заявился в наш гараж с мятым листком в руках, собрав весь пазл воедино. О, как он был тяжёл! В нем слилась вся моя чувственность и мой взгляд на мир. Потрясая им,

словно сводом законов, что Моисей принес с горы Синай⁸ (да и чувствовал себя так же), перед ребятами я, наконец, ответил на немой вопрос, что застыл на их лицах.

– Значит так, – предвосхищая самого себя, начал я, – с сегодняшнего дня мы больше не поем на чьем-нибудь заднем дворе. Наша карьера будет набирать обороты! Потому что у нас есть песня. И она – настоящая!

Я заметил на их лицах ухмылки. Что же, стоило ожидать. Вероломное нападение без предупреждения – кто бы мог подумать. И, чтобы развеять повисший в тишине скепсис, я отдал им листок с текстом.

Они склонились над ним, шевеля губами и проговаривая текст про себя. Мне же предстояло видеть, как на лицах парней проносилась целая буря эмоций: от полного непонимания и даже какой-то брезгливости, будто они держали в руках непонятное насекомое, что нашли в подвале под домом, до восхищения, перешептываний и переглядываний. А я стоял, гордо приподняв подбородок, ожидая вердикта.

Эрл, наш барабанщик – та еще многотонная махина – подняв взгляд с мятого листка, посмотрел на меня как на божество. Его глаза блеснули. Будто сам Курт Кобейн⁹ в моем облике появился сюда, вдруг озарив светом нимба все помещение. Осторожно положив листок с текстом на барабан, он подошел ко мне, а в следующее мгновение сцепил в медве-

---

⁸ Имеется ввиду 10 библейских Заповедей.

⁹ Курт Кобейн – лидер американской группы «Нирвана».

жьих объятьях, да так сильно, что мне показалось, что мои позвонки вот-вот хрустнут.

Эрл действительно был огромен, словно полярный медведь, вставший в полный рост, да и выглядел так же. Единственное, что различало их с лохматым животным – серьга в ухе, у медведя такой точно не было. Но, несмотря на эту разницу, был совершенно миролюбив. Может, родился он лет на тридцать раньше, наверняка бы стал хиппи и одухотворенно покуривал бы травку, развалившись на полу разноцветного фургона. Дух путешествий – это все о нем. Да и я всегда считал, что наш гараж слишком мал для такого массивного зверя. Даже барабанные палочки в его лапищах выглядели как парочка сточенных карандашей, а сам он с трудом умещался за установкой. Но... черт подери, это был лучший барабанщик из тех, что я знал! А за все время существования нашей музыкальной банды я повидал самых разных. Эрл бомбил по тарелкам и барабанам, как немцы по Лондону во Вторую Мировую – удивительно быстро и точно для своих габаритов. И мог отстучать даже самый бешеный темп. При желании он мог играть так, что не разглядеть рук – так быстро лупил! Видел бы его Джои Джордисон¹⁰ – так просто поперхнулся от зависти. Однако, и того не требовалось, мы тут не спид-метал¹¹ играем, в конце концов.

---

¹⁰ Джои Джордисон (Nathan Jonas Jordison) – экс-барабанщик группы «Slipknot» и гитарист «Murderdolls».

¹¹ Спид-метал – (англ. speed metal, от speed – «скорость») – музыкальный жанр,

Так вот, он взял меня в охапку примерно с той же легкостью, как я, когда беру на руки котенка. Воздух выбило из легких, а ступни оторвались от земли. И если бы не давление на груди, я бы почувствовал себя астронавтом.

— Это значит... вам... понравилось? — проговорил я, выдохнув остатки воздуха из легких. Эрл неожиданно разжал руки, и я рухнул на пол.

— Мы и подумать не могли, что ты так умеешь, Кейси! — он помог мне встать. — Отличная песня! — и по-отечески хлопнул по плечу. Я еле удержался на ногах, даже не показав всем своим видом, что у меня слегка подогнулись колени. — Так держать! — поморщившись, я потер ушибленное место. Эрл совершенно не умел контролировать силу, когда дело не касалось его ударной установки. Бога ради, надеюсь мне повезет не подавиться в его присутствии, не то таким похлопыванием по спине он отправит меня прямо на тот свет!

Эрл вернулся за установку, покрутив в руках барабанные палочки. Хайер, хмыкнув, поудобнее ухватил гитару. Хемингуэй, посмотрев на того и другого взялся за бас-гитару. Клик-клак! Я удивительно и глубоко отпечатал исторический момент в башке, что та фотокарточка из древнего «Полароида»¹², слишком уж ярким он был. Потому что родилась

одно из направлений метала, характеризуется довольно высокой скоростью исполнения. Для этого жанра характерен высокий темп игры и короткие сольные гитарные вставки между куплетами. Яркие представители: Motörhead, ранние альбомы Blind Guardian, Halloween.

¹² Polaroid Corporation — американская компания, занимающаяся производ-

группа! Группа, которой раньше на самом-то деле и не было. Четыре отпрыска слонялись по пивным вечеринкам, набираясь алкоголем после выступления. Если и братство, то очень так себе. Каждый сам за себя, в своем и только о себе.

А теперь нас объединяет нечто большее – группа. Наша группа, и я точно был уверен! Группа с большой буквы!

Мы слишком долго искали себя, чтобы вот так взять и все просрать, разойтись после репетиции по уютным каморкам и продолжать вдохновляться фильмами и сериалами, а завтра вновь собраться в опостылевшем гараже, чтобы рубить осточертевшие до оскомины хиты прошлых лет. Нет, мы здесь не для этого. У нас есть свой путь! Может быть, стоило бы попросить прощения друг у друга. Обняться, опустив головы, досчитать до трех и воскликнуть название нашей группы, которого у нас нет.

Впрочем, есть, конечно! Ведь не просто так нас свела судьба здесь, на окраине. Уходя вечером, мы всегда возвращаемся. Как тот самый сын на картине Рембранта¹³ – блудный сын, припавший к ногам отца, вернувшийся из долгих скитаний. Да простит мироздание.

– Блудный сын.

– Что? – Хемингуэй повернул голову.

ством фототехники и бытовой электроники. В 90-е годы XX века компания придумала технику моментальной фотографии.

¹³ Речь идет о картине голландского художника, представителя золотого века голландской живописи Рембрандта Харменс ван Рейна «Возвращение блудного сына» на сюжет новозаветной притчи.

– Название группы – «Блудный сын».

– Я бы еще подумал, – как всегда Хайер со своей мнительностью.

– Голосуем! – долгие сомнения не приведут к истине. Надо брать быка за рога прямо сейчас. – Кто за «Блудного сына»?

Три руки, считая мою, взлетели вверх – в Хеме и Эрле я не сомневался ни на мгновение.

– Ну... – Хай сделал вид, что настраивает струну. – Если вы так хотите...

– Значит, единогласно, – я взял на себя роль третейского судьи, оборвав его на полужае, мало ли чего он мог еще ляпнуть, посеяв в головах остальных зерна сомнений. – Значит, «Блудный сын». Решено!

И прежде, чем я побегу дальше, стоит рассказать, как нас всех четверых свела старушка-судьба. Порой изрядные финты она выделывает по дороге к славе.

Обо мне вы уже знаете достаточно, наверное, даже больше, чем мне хотелось бы на данный момент. Поэтому немного об остальных.

Хайер – наш соло-гитарист, вечно натягивающий струны на гитаре и стремящийся к идеальному ладу, был настоящим дворовым псом. Конечно, все мы музыканты не без бунтарского духа, что олицетворяет наша музыка и внешность, но Хай был таким из самого сердца. Начнем с того, что поми-

мо игры на гитаре он больше ничего не умел. От слова «совсем». И не то, чтобы сообразить себе поесть, он, вероятно, и с забиванием гвоздя бы не справился. Не потому, что туп как тот несчастный гвоздь, а из-за его вопиющего безразличия ко всему остальному. Питался кое-как, в основном обжираясь на вечеринках за чужой счет, куда нас приглашали, и жил в маленьком старом трейлере на окраине, прямо рядом с нашим гаражом. Пару минут – и он уже на репетиции. Впрочем, и туда он часто опаздывал, увлекаясь игрой на гитаре – все время искал очередные интересные ходы, отработывая очередное соло. Человек-гений, по своему убеждению, но полный разгильдяй по жизни. Побывал я у него в гостях однажды – та еще дыра, скажу я вам. Притоны с прожженными нарками и шлюхами выглядят куда культурней. И в следующий раз заходить в его дом я буду только в костюме химзащиты.

Однако, что было в Хайере удивительно – его гитара. Инструмент, на удивление, всегда был чист и хорошо настроен. Она была определенно не нова, да и откуда взяться деньгам в его дырявых карманах, но на ее корпусе не было ни единой царапины, а струны в идеальном состоянии. Таких сейчас не делают, но готов побиться об заклад, что раньше подобное произведение искусства стоило дорого. Вот откуда ей взяться у Хайера? Мы, разумеется, постоянно допытывались, где он ее взял. Но вот незадача, даже будучи пьяным вдрызг, что, казалось бы, и родную маму продаст, только стоило завести

разговор о его гитаре, как он неожиданно умолкал и лишь мрачно взирал на спросившего, пока тот не убирался восвояси.

Я лично придерживался мнения, что он украл ее с витрины магазина музыкальных инструментов или стянул прямо из рук престарелого рокера былой эпохи, пока тот, зазевавшись, раздавал очередные автографы после концерта. Хемингуэй с Эрлом же шутили, что Хайера вместе с гитарой изрыгнула преисподняя, где он играл беснующимся чертенятам.

Напротив, Хемингуэй изрядно отличался от нашей разнопестрой братии. Как минимум возрастом. На момент его появления в нашей компании ему единственному было за двадцать. Его внешний вид не содержал типичной атрибутики рок-групп. Он выглядел обычно, если не сказать интеллигентно, только что очков не хватало. Но, бьюсь об заклад, и они у него были где-то аккуратно сложены в очешнике. Я, правда, никогда их не видел. Может, он репетировал в них дома, разучивая партии, но в гараже просто закрывал глаза и играл свою партию как тот носорог, что прет напролом через джунгли. Да и одевался простенько, но со вкусом, видимо кто-то из родных привил ему подобную привычку. Сколько раз у нас заходил разговор о его прикиде, ведь на выступлении он выглядел, как выпускник, только что бонета¹⁴ на

---

¹⁴ Бонет – головной убор, состоящий из квадратной горизонтальной доски, закрепленной на ермолке, и прикрепленной к ее центру кисточки. Составляет тор-

голове не хватало: брюки, заправленная в них рубашка, пиджак сверху, прилизанная челка.

К слову, о семье, как и Хайер о гитаре, Хемингуэй говорил с большой неохотой. Знал, что живы и что у них все в порядке, живут где-то в провинции Аризоны, впрочем, я не разбирался – не мое дело. Старший брат Хема был финансистом и работал в каком-то банке в Чикаго. Ну как старший – лет двадцать разницы. И если с родителями Хем общался хоть и редко, но с любовью, что читалось в его интонациях и разговоре, то брата не переваривал совершенно, как я лаймовый пирог, несмотря на то что тот очень приятен в жару. Похоже, между ними произошло что-то серьезное, что не утихло до сих пор. А, может, всего лишь разница в возрасте. Куда нам, новому поколению, понять тех, сорокалетних.

Как вы можете догадаться, Хемингуэй – всего лишь прозвище, навеянное любимым писателем. Не то, чтобы он ему соответствовал, но что там творится у него в голове – тоже не представляю. Хотя на пьяных вечеринках вечно отыскивал бутылку рома¹⁵ и уже не расставался с ней до самого утра.

Трудно сказать, когда он находил время на чтение, но Хем – такая ходячая библиотека, включающая в себя несколько сотен наименований. Помимо своего любимца, он зачитывался книгами Франца Кафки, Зюскинда, Хорхе Луи Борхе-

---

жественное одеяние выпускников высших учебных заведений.

¹⁵ Писатель Эрнест Хемингуэй – американский писатель, военный корреспондент, лауреат Нобелевской премии по литературе 1954 года – был большим любителем рома. И даже своих героев постоянно поил этим алкогольным напитком.

са, Достоевского и еще много кого, чьи имена и фамилии я даже не выговорю. Благодаря богатому вокабуляру¹⁶, Хемингуэй первым решил писать песни, но когда понял, что его испещренный литературными отсылками текст безо всякой музыкальности и ритма оценит разве что Бродский¹⁷, которого он тоже весьма почитал, забросил это дело.

Он единственный из нашей компании, кто имел настоящее музыкальное образование. Да-да, чему тут удивляться, он окончил музыкальный колледж Беркли¹⁸ в Бостоне с отличием. Не то, что я со своей музыкальной школой. И бас-гитарой он владел на все сто, однако в отличие от меня или Хайера – тех еще самоучек, его игра выделялась правильностью и академичностью. В ней был почти математический расчет и точность, но не было моей плавности и текучести или безудержной, яростной энергии Хайера, часто переходящей в атаку. Интеллигент, его мать, что с него взять?

Свою игру я всегда сравнивал с серфингом. Как серфист пытается укротить стихию, стараясь удержаться на гребне волны, я пытался укротить и приручить музыку, находясь прямо в бушующем водовороте из звуков и нот. Исполнение Хайера, напротив, отличалось диким, первобытным экс-

---

¹⁶ Вокабуляр (от лат. *vocabulary*) – словесный запас.

¹⁷ Иосиф Бродский – советский поэт, эмигрировавший из СССР в 1972 году, из-за гонений, которые устроило на него КГБ.

¹⁸ Музыкальный колледж Беркли – американское высшее музыкальное учебное заведение, основанное в 1945 году и расположенное в Бостоне.

тазом, будто он и правда в прошлой жизни играл на балу у Сатаны. Настоящий музыкант точно заметил бы, что относительно нас двоих, игра Хемингуэя казалась безжизненной. Нет, не надо думать, что это недостаток. С точки зрения техники, он превосходил нас обоих на две головы, и только спустя несколько лет я начал дышать ему в затылок. Чувствовал, что смогу догнать его. Это было как спорт, как бег с препятствиями. Старший и опытный относительно всех остальных Хемингуэй всегда был голосом разума в нашем веселом ансамбле. И, пожалуй, стало абсолютно логичным, что больше всего он сдружился с Эрлом. И хотя мы всегда находились с ним в отличных отношениях, некая незримая нить связывала только этих двоих. Они постоянно зависали где-то вместе, если мы не репетировали. Приходили и уходили всегда вдвоем. И если я слышал, как кто-то шепчется сзади, мог с уверенностью сказать, что это Хемингуэй и Эрл – уверенная ритм-секция, прокладывающая дорогу нашей бесконечной музыке.

Сам барабанщик, в отличие от остальных не был «темной лошадкой». Никаких странных фактов в биографии: его родители – самые обыкновенные люди среднего достатка. Я знал их лично. Отец – трудяга на заводе, и мать – бухгалтер там же. Но Эрл с детства отличался чутьем к ритму и изрядной физической силой. Поэтому, когда он, сидя в школе на задней парте отстукивал костяшками пальцев очередной ритм, никто не решался высказать ему по этому поводу. По-

тому что при его мощи легко могло прилететь в морду. Даже преподаватели молча терпели его. Доставалось всем, но только не Эрлу.

Мрачный и нелюдимый, и вообще странный, по мнению большинства одноклассников и учителей, бедняга Эрл против своей воли снискал себе дурную славу. Одноклассники были уверены, что видели, как тот тусуется с байкерами из группировки «Ангелы Ада»¹⁹ в местном баре, а учителя косились на него, когда он часто опаздывал на уроки, еле пролезая в дверной проем. Девушки шептались в школьном туалете, что он определенно маньяк или душегуб. К большому счастью Эрла, ему было совершенно все равно, что о нем думают. Совершенно не замечал или не хотел замечать.

Когда он отстукивал очередной барабанный рисунок по столу, его разум витал где-то высоко в облаках. Только ритм – единственное, что было важно. Его уши ловили все звуки вокруг, но Эрл не вдумывался в их значение или смысл – видел в них только ритмичность и замысел. Порой он мог прервать одноклассника на середине фразы и потребовать повторить то, что тот сказал мгновение назад. Конечно, повторяли, дрожащим голосом, боясь ни с того, ни с сего получить в пятак. Но Эрл – большой и неповоротливый как медведь – лишь качал головой и отворачивался, расстроенный тем, что

---

¹⁹ «Ангелы Ада» (англ. Hells Angels) – один из крупнейших мотоклубов мира. Наряду с Outlaws MC, Pagans MC и Bandidos MC, входит в «большую четверку» outlaw-клубов и является наиболее известным среди них.

от него убежал очередной прекрасный неповторимый ритм. Конечно, это не добавляло ему ни йоты популярности.

И в тот памятный день, когда я произнес название нашей группы, в том самом гараже, где мы обычно репетировали, и родилась та основа, тот «золотой» состав, который существует и по сегодняшний день.

ГЛАВА 3. ПЕРВЫЙ ЕР

Конечно, для моего глобального замысла стать звездой, одной песни было маловато, чтобы брать нахрапом невиданные до сих пор высоты, но, в целом, курс был намечен. Пока мы продолжали выступать на вечеринках, но добавили в репертуар и мою песню. Она быстро стала хитом.

Не останавливаясь на достигнутом, я раскопал в черновиках еще тройку других, тех, о которых никому раньше тоже не рассказывал, совершенно проходных песен. И даже, несмотря на это, ребята приняли их с удовольствием. Немного изменив аранжировки, мы включили их в наш трек-лист выступлений. Тут уже и не докопаешься до авторских прав: придали больше современного звучания, переработали стандартные ходы, добавили виртуозных соло Хайера, над которыми он честно поработал. В общем, вместе с подходящим названием к нам неожиданно пришло и вдохновение.

«Блудного сына» стали все чаще узнавать, правда, пока только в пределах городка. И я со временем заметил, что гости вечеринок ждут именно наших песен, равнодушно слушая весь остальной репертуар. Но когда дело доходило до них – тут уж только и успевай подкидывать дров в камин. С криками и улюлюканием зрители приветствовали первые аккорды, стремительно мчались к сцене, расталкивая друг

друга, занимая места поближе. Совсем скоро они уже подпевали нам на выступлениях.

Девчонки спешили сфоткаться с нами. А самые отчаянные поклонницы напролом лезли в постель. Им трудно было отказать, слишком уж настойчиво они делали это.

Уже тогда я почувствовал себя звездой. Нет, звездочкой. Звездочкой местного масштаба, пускай так, но все-таки! Впрочем, с таким усердием недалеко и до медных труб²⁰, и я старался отдавать себе в этом отчет. Не только себе, но и заряжал парней, уверяя, что сейчас – лишь начало нашего пути. Подхватить звездную болезнь легко, трудно излечиться от нее. Сколько я слышал таких историй. Дай только палец укусить, а там, глядишь, и руки не будет. Многие из тех, кто думал, что это и есть слава, так и оставался довольствоваться малым. Нам такой судьбы совершенно было не надо, потому что нам надо было все остальное – рейтинги, хит-парады, интервью в Billboard²¹ и клипы на MTV. Будет это, придет и все остальное в самом неимоверном количестве. Мы просто не можем останавливаться на том, что преподносит жизнь сейчас – это обман, уловка, чтобы, в конце концов, остаться там, откуда мы и начали. Бег на месте, если хотите, бессмысленное движение без цели.

Нужен был следующий шаг, я прекрасно понимал. Порас-

---

²⁰ Медные трубы – духовно-нравственные испытания славой, всеобщим признанием, богатством, по-иному – звездная болезнь.

²¹ Billboard – американский журнал, посвященный музыкальной индустрии.

кинув мозгами, я пришел к выводу, что нужен ЕР²² из тех самых нескольких наших песен, чтобы заявить о себе более широко, чем среди сотни-другой наших поклонников, чьи сердца нам удалось завоевать. Я хотел попробовать пустить песни в эфир для начала на местных радиостанциях. Ну и портфолио, как ни крути.

На очередной репетиции я озвучил свою мысль банде. Парни обратились ко мне с немим требованием: «Давай!». Окей, ребята, я все равно собирался. Только в ответ предъявил условие, которое давно заготовил: нужно подзаработать, чтобы хватило денег на студию звукозаписи, поскольку никакому идиоту не придет в голову слушать песни, записанные в гараже на гарнитуру от компьютера и, тем более, крутить на радио.

Хемингуэй был не против, тем более четыре дня в неделю он и так работал в музыкальном магазинчике, откладывая деньги на покупку нового баса. Эрл лишь пожал плечами и сказал, что не против поработать хоть грузчиком, если за всем этим есть что-то стоящее. Хайер же пошел в полный отказ со словами, что в жизни не проработал ни дня, и сегодня точно не тот случай, чтобы начинать.

Понятно, что это был мятеж, бунт на корабле. И даже все воззвания к дружбе и товарищескому духу, к музыке, нако-

---

²² ЕР (от англ. Extended Play) – изначально грампластинка, на каждой стороне которой помещались только 2–4 музыкальных композиции, общей длительностью звучания 15–20 минут.

нец, не возымели на него действия. Хай уперся рогом, что тот полуслепой носорог в пальму. Ни шага вправо, ни шага влево. И тогда нам пришлось пойти на крайние меры: громадина Эрл забрал его гитару, сказав, что отдаст ее, только в том случае, если Хайер поработает во имя общего блага. Чудесным образом это сработало! Поняв, что не сможет забрать гитару силой – наш соло-гитарист на фоне великана-барабанщика выглядел палкой от швабры, которую тот мог переломить одним неосторожным ударом об колено. Хай попытался было прибегнуть к лести и убеждению, но Эрл был непреклонен. Глядя в потолок и постукивая костяшками по корпусу синей гитары, что по своему том-тому²³, он едва ли что-то слышал. Опять витал в облаках – его привычка осталась с ним со школы. Да, такой способ отрешиться от окружающего мира был по-прежнему безупречен. Спустя пару часов бесплодных попыток отобрать инструмент, Хайер сдался.

– Ладно, ладно, придурки чертовы! Ваша взяла! – взвыл он полным отчаяния голосом. Мы победно заулыбались.

Так мы все усиленно взялись за дело. Даже если у меня и была отмазка не работать – я должен был подготовить материал для записи – было стыдно оставлять тяжеленный груз бремени и общей мечты на хрупких плечах товарищей. Да и, честно говоря, свободного времени у меня оставалось предостаточно.

---

²³ Том-том – название одного из барабанов на ударной установке.

Помаявшись пару дней в поисках подходящего предложения, я устроился на доставку в пиццерию на полставки. Тут были свои плюсы: городок-то маленький и практически все знают меня в лицо, так что от чаевых не было отбоя. А, как милый бонус, – селфи с клиентами на очередной фотке. Я даже не корил себя. Многие, узнав о том, кто может доставить им пиццу, делали заказ. Даже те, кто вообще ее не хотел. Местная звезда на мотороллере – ждали именно меня.

Порой, я просто не успевал, и тогда любители «Маргариты» сильно обижались, если их заказ передавали другим курьерам, грозя моим работодателям закрытием. Тем не менее, чаевые росли в геометрической прогрессии и в какой-то момент я уже было подумывал открыть свою пиццерию. Даже название ей придумал – «Звездная пицца» или «Кейси-пицца», но так или иначе, это оставалось лишь забавной шуткой, которой я потчевал себя перед сном.

Копилка наших сбережений быстро росла. Удивительно, ведь даже Хайер отдавал почти все, что заработал. Хотя, наверное, просто Эрл следил.

Часто теплыми летними ночами я не мог уснуть, но не от духоты, что пробиралась в комнату, а потому что меня терзало радостное возбуждение, предвосхищение важного шага, который все мы готовы были сделать. Я вставал, чтобы посмотреть на далекие, холодные звезды из окна на втором этаже. Мне подмигивала Венера, переливаясь разными цветами. То ощущение, что мы находились на пороге чего-то

великого. Того, что изменит наши жизни раз и навсегда!

Да и я не стоял на месте, нет. Строки очередных песен посещали голову все чаще, появляясь в самый неожиданный момент. Я даже почти привык.

Однажды очередная классная строчка захватила мысли в тот самый момент, когда я мило о чем-то шептался с новой подружкой Джессикой Стайл, очаровательной маленькой блондиночкой в коротком белом с черными цветами платье, значительно выше колен, и третьим размером груди, которая вот-вот готова была мне выпрыгнуть в руки. В ту самую секунду, когда чувственная связь уже была налажена и наши губы почти слились в сладком поцелуе влюбленных, перед моим взором всплыла строка. Та самая заветная рифма, что не шла в голову целую неделю. Я бился над ней, что тот ястреб над добычей в Большом каньоне, в поисках подходящих рифмослов. Она аккуратно появилась из ниоткуда перед моим взором вся такая идеальная, выстроенная по всем правилам музыкальной эклектики. Поколыхалась пару секунд в надежде, что я ее смогу запомнить, а потом рухнула огромными, с тиснением, золотыми буквами, на ничего не подозревающую Джессику. Девчонка к тому моменту уже прикрыла глаза и вытянула губы для поцелуя.

Во мне боролись в яростной битве две сущности: юноши пубертатного периода и творца, для которого непонятны все человеческие естественные потребности. Кто из них одержит вверх, когда все естество превратилось в пучок проти-

воречий?

Пауза затянулась, через просвет между буквами я видел, как Джессика, приоткрыв правый глаз, удивленно смотрит на мою невероятно тупую мину. Впрочем, смотреть на нее тоже было смешно.

– Подожди! – я что, произнес это вслух?

Левой рукой я хотел было откинуть злополучные буквы, и, наконец, прервать повисшую паузу, пока Джессика не решила, что я тот еще придурок. Но, черт возьми, вдохновение пугливо, как олененок, в одиночестве жующий травку на поле. Да и моя муза не каждый день посещает меня с гениальными идеями. И вот он: этот олененок, поднимает голову, не прекращая жевать зеленую траву под копытами, чувствуя угрозу. А присмотревшись, видит между деревьев притаившегося охотника и черные дула вороненого ствола, что наблюдают за своей жертвой. Наступал момент истины! Одна ошибка и добыча ускользнет, лавируя меж деревьями, что гонщик NASCAR на Daytona 500²⁴ меж оппонентов в кольце. Никакой идиот не отпустит вдохновение, тем более такой как я, когда оно крутится у тебя под носом. Но и, конечно, только самый последний кретин откажется от поцелуя с Джессикой Стайл! Нужно было принять решение мгновенно – прямо сейчас.

Тишину призрачного леса разорвал грохот ружейного вы-

---

²⁴ Daytona 500 – престижная гоночная кольцевая трасса, и самая важная в календаре NASCAR.

стрела. Добыча ушла, сверкнув копытами. Впрочем, тут еще надо определиться, что считать добычей.

– Ты что, заснул? – Джессика недовольно щелкала пальцами перед моим лицом.

Тряхнув головой, я попрощался с наваждением, с рифмой, с идеально выстроенной строкой и глупо улыбнувшись, выдал:

– Кхм. На чем мы остановились?..

Спустя три месяца материал для пластинки был готов. До единой ноты выверен, отрепетирован, все соло заучены и, в целом, отлично исполнен. Единственное «но» – в гараже.

За это время мы собрали почти пару тысяч долларов, включая гонорары от концертов. Какой-то сотни не хватало. Впрочем, это не считается. Да, теперь мы старались брать гонорар настоящими деньгами, а съестное – как приятный бонус. Алкоголь же брали не стаканами, а бутылками – в гараже скопилась большая коллекция. Как лидер группы я решил, что как только хотя бы одна из песен прозвучит на радио, мы устроим грандиозную вечеринку, куда позовем всех фанатов, а, может, даже и больше. И уже там вскроем все наши запасы.

В городе была всего одна студия звукозаписи – не разбежишься: в том же самом здании, откуда велось местное вещание музыкальной радиостанции NDMA – местного подражания серьезным игрокам. Впрочем, пока нам и это не впряглось. Я решил, что если уж положить двух зайцев, то

одним выстрелом.

Бессменным радиоведущим NDMA был DJ Вуду, мистер Лайонел Шорт. Вроде как действительно диджей, и при всех заслугах вполне неплохой.

По слухам, когда-то он имел успешную карьеру, гонял в турне по Штатам, а сейчас осел на местечковой радиостанции, включая незамысловатые, но хитовые треки, и пытаясь поразить жителей городка красноречием. Студия принадлежала тоже ему, но не всякому, оказывается, там было место. Мистер Шорт строил из себя музыкального бога или черт его знает еще кого. Никому не удавалось просто так проникнуть в его храм. И в чем тут причина, в гениальности Вуду или в его ограниченности или глупости, а, может быть, и то и другое, нам только предстояло узнать.

Прощупывать почву на предмет записи отправились мы с Хемингуэем. Его присутствие добавляло нашей паре серьезности, а я действительно хотел, чтобы Лайонел нас так и воспринял. И если слухи не врут, он все еще якшался с различными музыкальными лейблами, под чье крыло потенциально он бы мог пристроить и «Блудного сына».

В тот вечер мы перехватили его на выходе из здания радиостанции, когда мистер Шорт собирался отчалить домой на своем «Додже».

– Эй, мистер Шорт! – крикнул я спине в кожаном пиджаке, что собиралась исчезнуть в салоне темно-зеленого маслкара. Тот притормозил, то ли раздумывая, то ли ожидая на-

падения. Мне показалось, что он даже пригнулся.

– Ди-джей Вуду!

Лысая голова с коротким темным ирокезом повернулась ко мне. Вуду настороженно хлопал глазами, не понимая, чего от него хотят эти двое ребят вечером возле радиостанции. Учитывая отдаленность студии от центра города, скорее всего, первой его мыслью было ограбление. Но прикинув наши габариты (мое телосложение оставляло желать лучшего, а о Хемингуэе вообще не стоило упоминать (не то, что Эрл), такая же сопля, как и я) моментально успокоился, рассудив, что опасаться ему особо нечего. Кроме того, охранник еще не закрыл дверь здания, раскуривая сигарету на пороге.

– Чего вам? – спросил, наконец, Вуду, приняв позу и облокотившись на крышу зеленого «Доджа».

– Извините, что появились так неожиданно и без спроса, но дозвониться до вас нет никакой возможности, – моя абсолютная правда бежала впереди меня. Мы всю неделю обрывали провода, надеясь чинно и цивилизованно назначить встречу, но студия Шорта всегда отзывалась длинными бесконечными гудками. Видимо, Вуду настолько сократил весь штат сотрудников, а, может быть, просто не набирал никого, играя на собственном поле, что даже банального секретаря или администратора не завел. Поэтому нам ничего не оставалось кроме как взять быка за рога. И если гора не идет к Магомеду, значит он идет к горе... ну, вы уловили.

– Не стоит подкрадываться к людям посреди ночи, – ми-

стер Шорт указал на краснеющий закат. — Так и огрести можно, — он старался выглядеть беззаботным, но пока это удавалось с трудом. Все еще будучи внутренне скован, он не понимал, зачем два юнца на закате дня подкараулили его.

— В общих чертах, нам нужна студия звукозаписи, — я решил сразу внести ясность. Но, кажется, мои слова прозвучали в равной степени странно и угрожающе.

— В каком смысле? — Вуду прищурил глаза, что-то раздумывая.

— Мы — группа. Молодой музыкальный коллектив. «Блудный сын», — вздохнув, Хемингуэй, обладавший интеллигентностью, принял весь удар на себя. — Для того, чтобы записать альбом. Разумеется, мы заплатим, — добавил он еще после небольшой паузы.

— О! Вот оно как! — Лайонел моментально успокоился и даже хохотнул, вспомнив о своих подозрениях несколько секунд назад. — Целый альбом?

— Ну, не альбом... — помялся Хем. — ЕР.

— Ну, думаю, это можно, — мистер Шорт кашлянул в кулак. Мы с Хемингуэем переглянулись.

— Но есть одно «но», — ведущий выдержал театральную паузу. — Мне сперва нужно вас послушать. Извините за прямоту, но от плохой музыки у меня начинает болеть голова, потом спазмы, потом тошнит... кошмар в общем, — он провел ладонью по горлу. — Никогда не забуду название, как ее, этой группы... — он замолчал на пару секунд, почесав подбо-

родок с явно излишней щетиной. – О! Смотрите-ка, забыл! – и расхохотался.

Хемингуэй недовольно хмыкнул. Он вообще крайне скептически относился к электронной танцевальной музыке, даже от признанных мастеров, считая, что в ней нет ни души, ни искусства. Одно сплошное бумц-бумц. Мне же было наплевать. Я воспринимал музыку иных жанров подчеркнуто нейтрально, хоть лей мне в уши «Satisfaction»²⁵ день напролет. Впрочем, порой, и меня коробило от популярности разного рода диджеев, но я предпочитал держать свое мнение при себе, особенно в данной ситуации.

– Идет, – кивнул я, – назначьте дату!

– На выходные, – не задумываясь ответил Шорт. – Скажем, вы ребята, меня заинтересовали. Хотя бы своим подходом. Я думал в нашем городе никто не интересуется музыкой настолько серьезно, что готов даже в ночи следовать за своей мечтой, – он задумчиво потер небритый подбородок, – да, именно так.

Я не стал мучить его лишними разговорами, главного мы уже добились. Шорт сел в машину, завел мотор, и уже отъехав от нас футов на десять, неожиданно остановился.

– А вы вообще, что играете? – крикнул он, высунув голову в окно.

Я чуть было не сказал, но тут же прикусил язык. И не потому, что Вуду, вероятно, так же как и я относился к другим

---

²⁵ «Satisfaction» – сингл итальянского продюсера Benny Benassy.

жанрам музыки или мне стало стыдно. Вовсе нет.

– Мы не играем, – я смотрел на него настолько серьезно, что мистер Шорт даже снял очки, и удивленно поднял бровь. – Мы живем этим, – продолжил я.

Может, и звучало немного пафосно. Но какую еще реплику не ввернешь в тот момент, когда багровые лучи закатного солнца играют на крыше чертова «Доджа»? Наверное, стоит кучу денег. Хотел бы я и себе такую тачку.

На его лице расплылась огромная улыбка, от уха до уха. Даже Джокер²⁶ мог бы ей позавидовать.

– Вы определенно мне нравитесь, ребята! – он поднял большой палец.

Через секунду «Додж» выпустил пыль из-под колес и стал стремительно удаляться от здания радиостанции. Вскоре он скрылся за поворотом, мигнув напоследок задними габаритами.

---

²⁶ Джокер – суперзлодей, заклятый враг Бэтмена. По канонической версии человек, ставший Джокером, упал в кислоту. В результате сошел с ума, обрел белую кожу, черные круги вокруг глаз и зеленые волосы, а на лице у него навсегда застыла улыбка.

ГЛАВА 4. VODOO PEOPLE

Оставшиеся дни мы репетировали как проклятые, стараясь довести и без того отработанные движения до совершенства. Стены гаража трясло так, что соседи наверняка думали, что здесь проводятся бурильные работы, а не репетиция. Это было недалеко от правды, мы действительно долбили с яростью и грохотом отбойных молотков в самом лучшем смысле. Хай тряс грязной шевелюрой, как настоящий рокер, Эрл одухотворенно крошил барабаны и тарелки, удивляюсь, как еще палочки чудом оставались целыми. Хемингуэй был предсказуемо спокоен и сосредоточен, будто играет в каком-нибудь театре и перед ним стоит дирижер, взмахивая жезлом – все-таки он отдавал дань своему высшему музыкальному образованию.

Я же был... вот не люблю вот себя хвалить, но если можно играть идеально, то все было в эти дни именно так. И пел так же. Ни одного неверного движения, ни одной фальшивой ноты. Я несся на своей серф-доске, будучи внутри бушующей волны, грозящей захлопнуть меня щелкающей пастью соленой воды и перевернуть мой неуверенный плот. Но я всегда был быстрее, ускользал от нее в последний момент. Я не боялся водопада за спиной, стремился сквозь него. Выжимал максимум из гитары, как будто мои пальцы были смазаны

маслом – так легко и непринужденно я извлекал из нее звуки. Мне не нужно было видеть, чтобы играть. Мне не нужно было слышать, чтобы понимать. Мне достаточно было чувствовать и, знаете, я думаю, что это высший уровень гармонии с инструментом. Моя гитара – не просто гитара. Из нее исторгались всевозможные звуки, переплетенные в безумных, самых невероятных связках и комбинациях. А микрофон был открыт моему голосу, как никогда на свете. Он с легкостью воспринимал каждый звук изо рта, отправляя в мониторы. Счастье, почти оргазм – музыкальный оргазм!

Когда все инструменты одновременно затихли, а Эрл напоследок отправил вдогонку коронное «бум-бац», по моим пальцам все еще бежала дрожь, и звуковые вибрации от того, что я играл только что, нагоняли это чувство. Казалось, даже стены гаража впитали звук и музыку, как данность. Он был наполнен ей.

– Не знаю, как вы, – Хайер удивленно смотрел на гитару, будто видел ее в первый раз, – но сыграть лучше, чем сейчас, я при всем желании не смогу.

Возразить было нечего. Если это не впечатлит Вуду, то можно собирать пожитки и вообще завязывать с музыкой, ибо мы – кучка бездарей. Как только моя гитара не раскололась в своем надрыве надвое от такого музыкального натиска, одному Джими Хендриксу²⁷ известно.

---

²⁷ Джими Хендрикс (англ. Jimi Hendrix) – американский гитарист-виртуоз, певец и композитор.

– Сейчас, парни, – я приоткрыл дверь и выглянул на улицу, ожидая увидеть толпу фанатов, прилипших ушами к стенам гаража в надежде урвать кусочек той божественной музыки, что мы сейчас исполняли. Но, к моему удивлению, на улице было пустынно, если не считать соседа, который в шортах и посеревшей от времени и пота майке стриг газон за забором, задорно рассекая траву газонокосилкой. Почему в такой поздний час? А он, похоже, ни черта не слышал за гулом своего ревущего агрегата.

– Тогда завтра у студии, – я хлопнул дверью, словно подводя итоги. – Все или ничего!

К слову, мне откровенно не спалось уже не первую ночь. Я смотрел на стоящую в углу гитару, поблескивающую в лунном свете, падающем из окна. На ее корпусе лукаво играли серебристые блики, кружась в танце. Завтра все решится.

А что, если мы не справимся? – Сомнения терзали меня, вкрадываясь в стройный хор моих мыслей. А если ничего не получится? Что будем делать? Продолжим и дальше гнаться за призрачной мечтой или бросим и поплывем по течению жизни? Эх, даже думать об этом не хочется. Может ли быть на самом деле так, что главная мечта жизни – на деле не стоит и выеденного яйца, а все остальное – лишь только то, что я сам себе придумал? Но как это – расстаться с музыкой? Словно оторвать от себя кусок, самый важный и нужный кусок. Центральный цветной осколок, что довершает прекрасный витраж. Тот самый, яркий и главный, без ко-

торого жизнь сразу станет пресной и серой. И всякий раз, когда вспомнишь, спустя много лет, будешь жалеть, что так и не попробовал всерьез прикоснуться к мечте, так лишь – ходил рядом.

К черту! Пора спать. Нет смысла переживать за то, что не произошло и, возможно, вообще никогда не произойдет. Я знаю, я уверен в нас. Уверен, что завтра мы выложимся по полной. Выжмем из себя все возможное, чтобы доказать Вуду, а, главное, самим себе и ехидно улыбающейся фортуне силу нашей мечты. У каждого она своя, но единая, преумноженная на четыре, а значит, и в четыре раза сильнее. И только эта мысль успокоила меня, сняла все напряжение и мелкую дрожь. Я был уверен в каждом из нас, на сто, нет, на двести процентов. Твердо и абсолютно!

Мы появились на студии ко времени закрытия, когда наш возможный пропуск в мир большой музыки уже было собрался уезжать домой.

– Опаздываете, ребята. У Лайонела Шорта не так много времени, – он укоризненно посмотрел сначала на дорогие часы на руке, потом на нас, – ладно, студия там, идите подключайтесь.

В отличие от многих других радиостанций, радиоэфир Вуду не был круглосуточным хотя бы потому, что Лайонел работал один и чисто физически не мог находиться там постоянно. Может, и странно, как-то по-домашнему, местечко-

во что ли. Но все давно привыкли и воспринимали как данность, переключаясь на другую частоту ровно в восемь вечера, когда диджей гасил всю аппаратуру на станции.

– Начинайте, – сделал отмашку из-за стекла Вуду. Кажется, он уже немного заскучал в ожидании обещанного.

Я обернулся на парней. Хайер смотрелся несколько вальяжно, лениво перебирая струны на Энджи. Хемингуэй был сосредоточен, как бегун на низком старте, впрочем, с ним это всегда так. Эрл подбрасывал палочки, чуть ли не жонглируя ими. Ну, вроде все готовы. Тогда я – тем более.

– И раз, и два, и три, и четыре, дааа! – я ударил по струнам, что кузнец по раскаленному докрасна, мягкому, податливому металлу, придавая своему творению форму. Искры брызнули из гитары ноты, собираясь в яростную мелодию. Вся банда эхом отозвалась на мои движения, усилив их многократно. Я прислушался – ни одной фальшивой ноты, мы находимся в гармонии, в полной синхронизации, в невероятном единомыслии. Это вызвало во мне такой безумный восторг и эйфорию, что вращалась вокруг меня вихрем буйных, ярких, экзотических цветов. Я не просто укрепился в уверенности, что все будет нормально. Я знал это! Держись, Вуду, сейчас будет такая музыка, что тебя снесет вместе со стеклом, которое нас разделяет!

*Хочешь ли ты понять, что значит мечта?
И как идти к ней, не сворачивая ни на миг?*

*И если бы тобой был я,
Ты услышал бы мой пронзительный крик.*

*И если бы вдруг не успел —
Я знаю, не каждый бы смог превозмочь,
Но за поворотом скрылась она,
И тебе ничем не сможет уже помочь.*

Стоя ближе всех, я не мог отказать себе в удовольствии наблюдать за мистером Шортом. Точнее за всей той гаммой эмоций, что так лихо проносилась на его лице: сперва он со скучающим взором таращился на кучку ребят, увлеченно играющих и трясущих телами и головами в такт музыке. Затем, заинтересовавшись, едва заметно даже для самого себя слегка качал головой и дергал коленом. Потом подключились и руки, ладонями он бил по подлокотникам кресла, на котором сидел, необдуманно повторяя движения Эрла. Намного медленнее, разумеется. И, уже ближе к концу песни, на его лице читался настоящий восторг. А прошло-то всего минуты три.

О да! Именно такое впечатление и должна производить музыка. Рок-музыка! Настоящая, она подхватывает тебя волной огромной силы, но при этом мягкой, нежной и чарующей. И выбраться из водоворота, что грозит утянуть тебя на самое дно, нет никакой возможности. С безумной радостью ты отдаешься воле музыкального Нептуна, уже поднявшего огромный трезубец, празднуя победу.

Для меня в музыке было что-то неестественное, сакральное, не от мира сего, если хотите. До самого конца я не мог поверить, что путь к величию создан самим человеком, а не дарован богами небесного Олимпа. А я – их посланник, их рупор, я – частичка их замысла и воли всемогущего музыкального божества. Я – Кейси-аккорд! Я – «Блудный Сын»!

ГЛАВА 5. ЗОЛОТАЯ ЖИЛА

И в этот момент меня поглотила то ли мания величия, то ли я словил какую-то кроху той самой звездной болезни, хотя до нее было еще ой как далеко, но картина, представшая передо мной – суть катренам Нострадамуса – такие же яркие, но сейчас не очень понятные.

Где-то там, на горизонте уже восходило над сценой огромного стадиона горящее яркими огнями название «Блудный сын», но все еще неясно, белая пелена в любую минуту могла поглотить горящие огнем буквы. Будущее слишком обманчиво. Примерно так. Впрочем, если бы я действительно был провидцем, наверняка бы знал, как нам действовать дальше. Но на самом деле, пока что видел не дальше своего носа. Ладно, может, до окончания грифа своей гитары, не так уж далеко, если присмотреться внимательно.

А вот мистер Шорт был в восторге! Таких эмоций я и ждал от него, рисуя себе картины теми долгими ночами, когда не мог заснуть. По-другому и не надо. Все прошло настолько хорошо, что по окончании нашего триумфа бедняга хлопал глазами и ловил воздух ртом, как выброшенная на берег рыба. Наверное, давненько не случалось в наших местах подобного. И я прекрасно понимал его тревогу и не особое желание заниматься желторотыми юнцами, только что взявшими

в руки инструменты. Среди тонн серой пыльной руды, заби-
вающей нос до отказа и заставляющей глаза слезиться, слиш-
ком тяжело отыскать тот самый золотой самородок – работы
много, а выхлоп – незначительная унция или пара фунтов,
тут уж как повезет. Но сегодня он наткнулся на целую золо-
тую жилу. Как ему повезло! А как повезло нам! Я не сомне-
вался ни на миг.

Вуду аж привстал с кресла не в силах вымолвить ни слова,
а Эрл, по доброте своей душевной, уже занес было свою ла-
пищу, чтобы похлопать его по спине, думая, что тот подавил-
ся. Но Лайонел отчаянно махал руками, словно пытался при-
землить самолет – такие пассы выделял, не давая прибли-
зиться к себе ни на шаг нашему милому медведю. Эрл в раз-
думьях застыл над ним недвижимо, словно античная скульп-
тура. Я ухмыльнулся – для завершения картины рядом не
хватало какого-нибудь грека, типа Софокла²⁸... Или это не
скульптор? Черт их поберет эти древности, спрошу потом у
Хема как-нибудь, он вроде разбирается. И, все же, избежав
преждевременной гибели от тяжелой руки нашего барабан-
щика, мистер Шорт откашлялся в кулак.

– Как бы это сказать... – он почесал пальцем подбородок,
внимательно рассматривая нас, прищулив взгляд. – Это бы-
ло шикарно, парни! Я давно такого не слышал. – Он сделал
шаг вперед, раскрыв объятия, но затем резко передумал и
просто похлопал меня по плечу.

---

²⁸ Софокл – афинский драматург, писатель, трагик.

– Вам понравилось? – осторожно спросил я.

– Черт возьми, я буду не я, если не сделаю из вашей шарашки настоящих звезд! – он взял пару секунд паузы. – Конечно, отжигать для богатеев, как Дэвид Гетта²⁹, вам не светит, не та музыка пошла, – но кому-то и рок в радость! «Rolling Stones» и «Aerosmith», и те не растеряли до сих пор бывшего величия. Хотя «Блудный сын», я уверен, может и им дать хорошего пинка, чтобы не расслаблялись.

Хем недовольно поджал губы и поморщился, будто у него случился частичный паралич лицевого нерва. Дэвид Гетта и «Rolling Stones» в одном предложении, это слишком даже для него. Судя по его лицу, я чуть было не решил, что он сейчас разобьет ему о голову свою гитару и едва ли это прибавит нам успеха.

– Так значит да?

– Значит, да! – уверенно произнес Лайонел.

– Да! Да! Да! – я поднял кулаки к потолку и затрясся в пляске святого Витта³⁰. – О, да! – я пустил волну руками, да так, что моя гитара чуть не оказалась на полу. Хорошо, что еще успел вовремя придержать ее. – Да! Да! Да! На тебе! Выкуси! – крикнул я, не обращая ни к кому конкретно. Все же я взял ее за хвост – такую призрачную удачу – она не

---

²⁹ Дэвид Гетта (англ. и фр. David Guetta) – французский диджей и продюсер. Сотрудничает с такими исполнителями и группами как Jessie J, The Black Eyed Peas, Биби Рекса, Рианна.

³⁰ Пляска Святого Витта – заболевание нервной системы, характеризуется беспродочными, отрывистыми движениями человека.

успела проскочить мимо. Прямо так и скрутил ее в кулаке. Не зря, значит все было не зря!

Парни сначала с удивлением смотрели на исполняемые мной восторженные пируэты, но потом и они, поймав лучи бесконечной радости, присоединились ко мне. Это детское неожиданное счастье настолько обуюло их, что Эрл, весом в центнер, даже весело запрыгал, рискуя проломить бетонный пол студии. Его барабанные палочки полетели в потолок, с деревянным стуком приземлившись где-то за спиной мистера Шорта. Хем размахивал басом, чуть не снеся дорогие колонки со стоек, и прочую аппаратуру. И даже наш Хайер, то еще унылое говно, придавшись всеобщему ликованию, молча растянул улыбку от уха до уха.

Так бы и могло продолжаться до бесконечности, если бы Вуду, с интересом взирающий на нас, вдруг не прервал наш чудовищный зоопарк, развернувшийся у него на глазах.

– Так! – он сложил руки на груди. – А что еще у вас есть в репертуаре? – понятно, все-таки он здесь главный.

Я так и замер, поднял руку в кулаке и оглянулся на банду. Опустив глаза, они с интересом разглядывали рисунки на ковре. И что, вот из этого мягкого пластилина можно лепить звезд? Совсем не уверен.

– Эрл! Хемингуэй! – я выдержал небольшую паузу. – Хай! Они одновременно посмотрели на меня.

– Продолжим?

Они крутили башками, переглядываясь, а потом одновре-

менно кивнули. Я прямо-таки ощутил братство. То самое братство, что забирает от самых ушей до кончиков пальцев на ногах, до дрожи.

— Тогда туда! — я взглядом указал им на открытую дверь студии. Нет, не то, чтобы... но парни меня поняли. — Концерт только начался, мистер Шорт, — сказал я, сохраняя лицо лидера, — поэтому пристегните ремни покрепче. — И закрыл за собой дверь.

В следующие двадцать минут мы до последнего вывалили весь наш репертуар на ничего не подозревающего Шорта, совершенно не беспокоясь о его душевном состоянии. С чего бы вдруг?

Когда стихла последняя нота, мы стояли посреди студии, уставшие до изнеможения. Моя майка совсем промокла — иди выжимай, по спине ручейками бежал пот. Пышная кучерявая шевелюра нашего ударника теперь прилипла к его голове, придавая ему еще большего сходства с таким же мокрым медведем после охоты. Хай тяжело дышал, будто пробежал кросс, держа под мышкой свою гитару. Невозмутимый Хем лишь скупой оттер пот со лба невесть откуда взявшимся белым платком, воспитание, чего уж говорить.

Какой там фитнес, если существует музыка. Если есть студия, восторженные слушатели и есть то, что не дает ни на миг оставаться в состоянии покоя: далекая детская мечта, дорога к которой из склизкого глинистого пути, сплошь покрытого лужами, вдруг начала превращаться в твердую каменистую

дорогу, пускай еще достаточно узкую, но, во всяком случае, уже не хлюпает под ногами, а это и в правду много.

К нам влетел мистер Шорт, громко хлопнув дверью. Он довольно потирал руки.

– Записано! – в моей голове будто щелкнуло, остановив музыку. – Все будет в лучшем виде, парни, я лично займусь сведением, – он почесал подбородок, – может, у вас найдется еще что-нибудь для меня?

– Боюсь, что все, – я пожал плечами, словно извиняясь, – как я и говорил, у нас всего-то на ЕР.

Вуду на мгновение нахмурился, что-то прикидывая, но затем кивнул.

– Отойдем? – он указал на самый темный угол студии.

Я оглянулся на парней. Те, молча застыв, ждали какого-то ответа, моего решения.

– Я сейчас, – махнул я парням, Хем поднял вверх большой палец.

– Ну, поступим так, – Вуду был более чем уверен в себе, – я сведу ваш альбом и потом с чистым сердцем пушу в эфир. Давно такого не слышал. А твои песни просто класс!

– Кхм. Мистер Шорт, я думал... – начал было я. Вряд ли мы бы что-то выиграли от того, что все друзья в городе услышат нас по местному радио. Они и так знают все песни группы наизусть. Такой междусобойчик меня совершенно не устраивал, не об этом я мечтал, переступив порог студии. Да

и птица удачи, так вовремя оказавшаяся у меня в руках, заманчиво ворковала о другом.

– Подожди, – он прервал меня рубящим взмахом руки, – потом я позвоню своим старым знакомым, предложу им послушать, и кто знает, может вас пустят на каком-нибудь DKW-FM?

– DKW-FM? Первый раз о таком слышу.

– Не все сразу, малыш, – мистер Шорт ухмыльнулся. – Сначала они, потом другие подхватят. Как там у вас: *«Хочешь ли ты понять, что значит мечта?»*.

Я улыбнулся. Вуду запомнил слова моей главной песни. А если запомнил он, значит, ее запомнят и другие.

– Сначала DKW-FM, потом «Texas Music», а там недалеко и до федеральных радиостанций. Маленький шаг для тебя, но большой шаг для человечества³¹. Только представь, что с этих слов будет начинаться утро многих миллионов жителей страны. Американская мечта, не меньше.

Так вот куда он клонит. Золотой телец, и каждый будет восхищен!

– А что еще нужно творческому человеку, кроме самореализации? Кроме признания и поклонения? – кажется, он слишком заискивающе смотрел мне в глаза.

Я даже ухмыльнулся про себя: да много чего еще, мистер Шорт, много чего. А он продолжал, и мне даже показалось,

---

³¹ Мистер Шорт процитировал слова первого астронавта США Нила Армстронга, ступившего на Луну.

что я вижу его змеиный хвост³², в который вдруг обратились его ноги.

– А потом ее подхватят миллионы, вы будете растерзаны толпой!

– Я бы этого не хотел, – процедил я, почти шепотом. Хотя именно этого я и хотел, всемирного признания. Всей той славы, поклонников, лепестков роз и лифчиков, летящих из зрительного зала на сцену.

– Клубы, залы, стадионы, – он словно уловил ход моих мыслей, – фанаты, фан-клубы, плакаты на каждом столбе, в журнале и в спальнях. Девочки будут молиться на твои плакаты. Среди других таких же почитаемых «The Beatles», «Fleetwood Mac», «Deep Purple», «Nirvana» «Linkin Park», «Metallica».

Шорт так увлекся, и мне вдруг показалось, что он описывает свое будущее, но не наше.

– Ну и, конечно, «Warner», «Sony», «Capitol Records»³³ – все у ваших ног. Еще драться будут за ваше присутствие в их каталогах. Подковерные игры, интриги, звон монет, – он осекся. Кинул быстрый взгляд на меня и поднял палец вверх, – но длинная дорога начинается с первого шага. Вот с этого, – он обвел студию руками.

– И что, это правда? Вы это сделаете? – моя уверенность,

---

³² Имеется ввиду библейская история о соблазнении Евы дьяволом в образе змея.

³³ Крупнейшие студии звукозаписи в США.

которая еще пять минут назад пылала жаром вдруг дала ростки сомнений, – Почему? – в какой-то момент я вдруг поддался негативным мыслям. Не так прост Лайонел, ой, как не прост.

– Вы это сделаете! – Вуду победоносно заулыбался, продолжая расстилать передо мной невидимую красную ковровую дорожку. – Не переживай! С моими связями и природным обаянием через полгода мы прокатимся с туром от Нью-Йорка до Токио. Я тебе обещаю!

– Стоп-стоп, – не понял я, – Мы?

– А разве я не сказал? – он приподнял бровь. – Я лично намерен сделать из вас звезд. Можешь мне поверить, я лучший менеджер на западном побережье! Или где?

– Или где? – не понял я.

– Или что?

– Что? – автоматически повторил я за ним.

– Или кто? – мистер Шорт почти прыснул от смеха.

– Кто? – я удивленно открыл глаза, повторяя за ним эту несусветицу. Вуду расхохотался.

Краем глаза я увидел, как Хем недовольно покачал головой. Учítывая, где сейчас осел Шорт, возникали большие вопросы. И даже его личная радиостанция не давала совершенно никаких ответов. Кто мы, и кто он? Впрочем, озвучивать все эти мысли я не спешил.

Шорт, конечно, самодовольный и напыщенный павлин, но может нам пригодиться. У нас и связей-то никаких не было

вовсе. Все мы – местные. Болтаемся где-то на окраине Штатов, где нас никто не знает, а уже возомнили себе. А кто в друзьях-то? Джой-механик, Инди-бармен, да Марио-сантехник, вряд ли с ними можно было отправиться гастролировать в мировой тур. Более того, в музыке мало чего понимают. Раз – гитара, два – струна, я – фанат, а ты – звезда. Так далеко не уедешь. Доказано временем.

– Ладно, – я улыбнулся. Его игра понятна, мир шоу-бизнеса слишком привлекателен. И я отчетливо вижу, как он хочет туда вернуться, а мы – туда ворваться. Партия будет разыграна, чего бы не стоило – такой шанс предоставляется только однажды. А разбираться будем потом, – По рукам?

– По рукам! – Шорт расцвел прямо на глазах, аж щеки порозовели.

– Мы тогда пойдем, наверное, – пробормотал я, не зная, как расстаться на столь «романтической» ноте.

– Конечно! Конечно, идите. Идите, парни, а я займусь сведением прямо сейчас, – деловито сказал он, поднеся поближе к глазам руку с часами, мол у него мало времени, так что цените. А мне показалось, что он просто хочет выдворить нас отсюда побыстрее.

– Надеюсь, вы не сделаете из них танцевальные ремиксы, – хмуро буркнул Хем, – это настоящие песни, – Лайонел заливисто расхохотался.

– Отличная шутка! – но судя по лицу Хема, он вовсе не шутил. – Как-нибудь в другой раз, – мистер Шорт перешел

на серьезный тон. – И, пускай, это останется между нами, по секрету тебе скажу, – он уставился на басиста, – далеко не из каждой песни можно сделать танцевальный хит. Настоящий хит.

Уж не знаю, что там Хем себе придумал, он вдруг закипел, как чайник. Стоял напротив нашего потенциального продюсера, нервно сжимая и разжимая гриф гитары. Стиснул зубы и поджал губы до состояния тонкой алой полоски, что так изящно контрастировала на его бледном лице. Видимо, он был сейчас на перепутье: либо сказать что-нибудь крайне обидное про музыкальные увлечения мистера Шорта – где он их видел и на чем вертел, либо с размаху вмазать гитарой по самодовольному лицу. Впрочем, я вовремя ухватил его за локоть и поспешно отвел в сторону на такое расстояние, где гитару придется разве что кидать, как шар для боулинга.

– Спокойно, брат, спокойно, – тихо приговаривал я, оттаскивая его, как ту собаку, что увидела на прогулке пятнистого соседского кота, – если ты убьешь его сейчас, кто будет включать моим родителям ретро после восьми вечера?

Хемингуэй все еще напряженно вглядывался в расслабленного Шорта, до которого даже не дошло, что его слова могли кого-то разозлить. Или быть понятыми неправильно.

Тем не менее, мои увещевания дали плоды и наш басист, кивнув, решительно пошел к выходу. Фухххх, одной проблемой меньше.

Мы покинули студию, оставив Шорта наедине с боже-

ственной музыкой, что так любезно была намотана на большие бобины.

– Диджей херов! – в данный момент наш любезный Хем вкладывал в слово «диджей» настолько уничижительный смысл, насколько мог, – диджеюшка! Чтоб ему его пульт на башку рухнул!

– Ну не кипятись ты так! – я хлопнул друга по плечу, – хорошая музыка дорогого стоит.

– Я сыграю похоронную арию на его могиле, на гитаре, сделанной из его позвоночника, – Хем заводил себя еще больше. А так и не скажешь, такой интеллигентный на вид. Хорошо, что мат Хем позволял себе крайне редко. И даже сейчас не тот случай.

– А я могу сыграть на барабанах, натянутых из кожи с его жопы, – добродушно отозвался Эрл. Хем кивнул, и протянул раскрытую ладонь.

– И ты туда же, – остановил я его, – какая разница, что он говорит, главное, что он нам поможет. А если он напряжет все свои связи – будет отличный трамплин для старта большой карьеры.

– Ты слышал, что он говорил? – Хем зашелся не на шутку, – нет, ты слышал? Гребанный еблан! – кажется, я поторопился, насчет мата, – Да Винчи был выше этого.

– А я поддерживаю Кейси, – отмалчивавшийся Хайер вставил слово, – пусть называют нашу музыку хоть трущобной, хоть ублюдской, а меня – девой Марией, если ему так

хочется. Мне как-то по барабану, – Эрл вздрогнул, – новые телочки, ящик пиваса, в конце концов, – он победно взглянул на нас, – и новые струны для Энджи.

Хем обернулся. Отчаяние ли сквозило в глазах, или что-то еще, но он явно не ожидал такого подвоха от Хая. А тот тем временем уже витал где-то в облаках, насвистывая под нос заурядный мотивчик, словно накурился травки. Если судить по довольной улыбке, что периодически появляется на его лице, то он сейчас уже находился в роскошном пентхаузе, потягивая дорогущий виски из граненого бокала и наслаждался ласками в объятьях доброй сотни группис³⁴.

– Ну, в общем да, – подытожил я, пытаюсь прекратить весь дальнейший разврат. – Не надо раскачивать лодку. Пусть порадуетса немного.

---

³⁴ Группис – поклонница поп- или рок-группы, сопровождающая своих кумиров во время гастролей. Начиная с середины 1960-х годов, употребляется почти исключительно в отношении молодых женщин, активно стремящихся оказывать своим кумирам сексуальные услуги.

ГЛАВА 6. СИМБИОЗ

Мы вышли из студии, спустившись на лифте с третьего на первый этаж. Не так много времени, но я пытался рассмотреть на лицах друзей все отношение к происходящему. Конечно, я не Нострадамус, или там не Ванга какая-то. Баллов бы мне это точно не прибавило, но я явно смог разглядеть, что даже после всего нашего успеха на студии парней обуяла нерешимость, сомнения поглотили их.

Мы оказались в трех кварталах от студии, когда Хем вдруг нарушил нависшее над нами молчание.

– Ну и как тебе его идея? – он повернулся ко мне.

– Ты о чем? – я сразу и не понял.

– Его идея быть нашим менеджером? – спросил Хем.

– Аааа... – протянул я. Я и сам размышлял об этом всю дорогу.

– Ну да, – я посмотрел на парней, они хором молчали.

– Я скорее доверил бы это Хайеру, – он ухмыльнулся, – а ему, как ты сам знаешь, нельзя даже доверить заказать пиццу. Впрочем, по пицце ты главный.

Я покосился на Хая, ожидая ответного укола с его стороны. Но нет, тот, как будто и не слышал, двигая пальцами, в миллионный раз настраивая свою гитару. Видимо из пентхауза он плавно перешел к мечте о личном самолете. Да еще и

о таком, где бы он сам сидел за штурвалом³⁵, а телочки, принарядившись стюардессами, нежно посасывали его достоинство до ближайшей посадки.

– У тебя к нему предубеждение, – уверенно сказал я. – Все просто потому, что ты всех поголовно считаешь таких как Вуду бездарями. И только потому, что за свое унц-унц, так непохожее на твое бам-бам, они незаслуженно получают славу.

– Нет! – резко ответил Хем. – Я подчеркнуто нейтрален и толерантен к представителям любых музыкальных меньшинств. Это все равно, что злиться на радугу³⁶ после дождя. Или плохо относиться к нищим или убогим – занятие недостойное настоящего музыканта, да и в целом, человека. Просто считаю, что не ему рассуждать о нашей музыке.

– Ну, то есть, я так и сказал – предубеждение, – я пожал плечами.

– Просто не хочется начинать карьеру с таким паразитом в команде, – Хем тяжело вздохнул и продолжил уже спокойнее, – это крыса, крыса в коллективе. Крыса первой бежит с корабля, обнаружив течь. Он же явно хочет выехать за счет «Блудного сына» и добиться того, что не смог сделать сам. А потом говорить: «Это я! Я сделал из них звезд. Когда

---

³⁵ Намек на Брюса Дикинсона, фронтмена хеви-метал-группы «Iron Maiden». Британский рок-музыкант, писатель, спортсмен, пилот гражданской авиации, теле- и радиоведущий, автор книг и сценарист, продюсер.

³⁶ Радуга – символ сексуальных меньшинств.

они пришли ко мне, даже гитару не умели держать правильно, но я разглядел в них потенциал, возвел на музыкальный Олимп». Будет трясти из нас деньги, ходить в дорогом костюмчике и периодически пинать, требуя очередной релиз. Хоть сингл, хоть EP, хоть альбом. И не отвяжешься! Состроит жалобную мину и будет говорить, что был с нами с самого начала. Знаю я такую породу людей, исключительные... как-бы так помягче...

– Я тебя слышал, – попытался я успокоить его, прервав его словесный поток, не предвещающий ничего хорошего. Только настроение всем попортит. – Может быть, ты слышал про такую вещь как «симбиоз»?

– Симби... Что?

– Симбиоз³⁷.

Хем молчал. Так-то дружище, я в школе не только за девочками бегал и музыкой жил!

– Надеюсь, что в этой паре больше пользы получим именно мы. «Блудный сын». Джордж Мартин, слышал? – я взглянул на него.

– Конечно, «Игра престолов», инцест и все такое, сейчас у всех на слуху. А причем здесь это? Ты же не собираешься с ним спать?

– Да нет же, дубина, я о другом, Джордж Мартин³⁸ – про-

---

³⁷ Симбиоз – форма тесных взаимоотношений между организмами разных видов, при которой оба получают для себя пользу друг от друга.

³⁸ Джордж Мартин – английский музыкальный продюсер, известность которо-

дюсер «The Beatles». Кто знает, это халиф на час или наш транзитный билет к славе? Кого, спустя много лет, будут помнить только лишь по одному изображению с пластинки, его или нас?

– Музыка нынче стала слишком доступным занятием, – печально покачал головой Хем, – оттого и развелось этих... – он сжал кулак, и промолчал, сдержав жуткое ругательство, впрочем, здесь все свои. – Для них искусство, музыка – всего лишь фасад, ширма, придание себе сакральности и статусности, фарс. При том, чем меньше они из себя представляют, тем больше самомнения.

– Боже, началось... – я страдальчески закатил глаза, ведь дальше меня ожидала крайне поучительная лекция об увядании музыки. И зачем я затеял этот разговор?

Временами на него находило, образование и воспитание давали плоды, и тогда он начинал по-старчески брюзжать о том, что раньше было лучше. И становился именно таким – несусветным брюзгой! Скучота! Даже если и было, сейчас другое время и другие правила. Но все равно Хем нашел бы к чему придаться.

– Раньше занятия музыкой были привилегией лучших и сладким сном для тех, кому повезло меньше, – на колу молчал, начиная сначала, понеслось по-новой. Жалко только,

---

му принесла его работа с группой The Beatles. После распада группы работал с ее отдельными участниками, а также с другими исполнителями такими как Селин Дион и Элтон Джон.

что он хиты не пишет. Но это не для всех, – поэтому раньше на музыкальном поприще были настоящие титаны. Боги! Гении! Моррисон, Меркьюри, Тайлер, Гиллан, Джаггер, Леннон, наконец. Чья музыка чуть ли не сразу стала классикой, а их имена вошли в Зал славы рок-н-рола³⁹... – он мечтательно вздохнул. – Хотел бы я, чтобы и наше название было среди них, – в какой-то мере, я понимал Хема, ведь я хотел того же самого. Но если бы музыкой занимались только лучшие, не было бы места тем, кто берет от музыки лишь обложку с автографами, зарабатывая на этом в ближайшем ломбарде.

– Так, а я не понял... – подал голос Хай, отвлекшись от невидимых струн. Весь наш разговор он пропустил мимо ушей. И я даже был этому рад. Мне бы пришлось что-то объяснять ему, и я даже уже открыл рот, но он вновь, как очумелый принялся настраивать невидимую гитару. Надо быть поосторожнее с этим типом.

– Так и живем. Каждый лабает, как может. От обилия бездарей у слушателей окончательно испортился вкус. Они слушают лишь то, что модно, совершенно не понимая какие помои употребляют. Назови мне самые успешные рок-группы за последние десять лет?

– Ну... – я поднял голову вверх к звездному небу.

– Вот тебе и «ну», – передразнил он меня, – нет их, нет рок-н-ролла. Он умер. Вернулся к корням и тихо копается в

---

³⁹ Зал славы рок-н-ролла – посвящен наиболее значимым и известным музыкальным деятелям, оказавшим влияние на музыкальную индустрию.

маленькой песочнице, а его заменил, прости меня Господи, рэп. Тупак, вечная ему память, Джей Зи, Канье Уэст, Снуп Догг – и те пошли по проторенной «зеленой тропе»⁴⁰. Я бы и сам был не прочь переметнуться, скажу тебе честно. Там слава, там деньги, да и живых басистов на концертах еще никто не отменял, – Хем усмехнулся, – но я за правду, за настоящее. Я за то, чтобы *слушать* музыку... – он назидательно поднял вверх указательный палец, – это удел тонких ценителей, тех, кто до сих пор собирает пластинки. Мне становится страшно, Кейси... я боюсь узнать, какая судьба ожидает нашу музыку завтра.

– Можешь не беспокоиться, – в отличие от него, я был абсолютно уверен в нашем будущем, – бездари и спекулянты переведутся нескоро, но «Блудного сына» ждет прекрасное будущее. Я тебе обещаю, друг! – я положил руку на его плечо. Хем лишь тяжело вздохнул, и, понутив голову, полностью погрузился в очередную мрачную апатию.

Следовало признать, из всех нас он наиболее трепетно относился к нашему непростому искусству. Как истинный музыкант, он почитал Музу, которую надо восхвалять и посвящать ей песни, как некие дары. Продавать ее за деньги для него было слишком большим кощунством. Музыка – не та доступная дамочка из квартала красных фонарей, а целомуд-

---

⁴⁰ Зеленая тропа – на сленге обозначает «курить марихуану», официальное название каннабис – психоактивное средство, получаемое из конопли, психоделического типа.

ренная принцесса, и относиться к ней надо соответствующе.

Боже мой, что с тобой сделали родители. Если бы только не моя врожденная тяга к реальному миру, наверное, я бы его не понял никогда.

С Хайером, например, все было гораздо проще. Для него музыка все равно, что звон монет – элементарное уравнение, которое решить под силу любому школьнику. И в гробу он видал весь пафос и высокие идеалы. Не для того родился, и не для того постоянно настраивал свою гитару. Тараканы из его головы так и лезли. Я не видел в жизни еще ни одного человека, который был бы настолько повернут на деньгах и телках. И на своей гитаре, разумеется.

До Эрла обычно не доходило. Я спускал весь пар на эту парочку. В одном меня раздражала зашибленность мозгов, существующая где-то в белом шуме между классикой и современным роком, во втором – его никчемная самовлюбленность. Как мне поделить их между собой? А Эрл, наш мохнатый медведь... Он постоянно пребывал в пространном мире ритмов. Не сомневаюсь, что он был из тех, кто попросту не задумывался о великой цели музыки, что в общем-то его и устраивало. Как и меня, впрочем, его характер.

ГЛАВА 7. ЭТО ЗНАЧИТ «НЕТ»

Следующие дни прошли однообразно и тоскливо. Я засыпал с мечтой о великой мечте, ворочая ногами и просыпался с ней же. Все было скучно. Видимо, выдав все, что могли на студии звукозаписи, мы перегорели и теперь с трудом давили из себя музыку, как ленивцы, жующие эвкалипт – по ноте в час. А когда очередная репетиция свелась к тому, что мы просто молча сидели, взирая друг на друга, я принял решение, что нам надо отдохнуть. Не от музыки, нет. Ее в голове хватало, как того девятибалльного шторма. Отдохнуть, как тем опостывшим любовникам, которых уже не тянет друг к другу. Освежить наши отношения, освежить мысли, и просто праздно побездельничать.

– Возьмем отпуск? – парни кивнули. Нам явно нужна была передышка.

Что делали музыканты в те дни, я не знал.

Что делал я? Складывал самолетики из бумаги, смотрел телек или просто сочинял. Среди мыслей и рифм искал очередной хит. Пытался найти ту проникновенную мелодию, что еще громче зазвучит в головах наших фанатов. Мне было мало того, что я уже сделал. Было мало тех навязчивых мелодий и слов, которые всякий раз доводили до исступления зрителей на каждом концерте. Я рылся в себе, в скрытых

закоулках памяти, разыскивая ту славную историю, которую бы мог выдать рифмами из себя, как рвоту, которой и дела нет после очередной пьяной вечеринки. Она-то приходит без спроса. А вот новая песня – надо еще сильно постараться.

В моем поиске я довел себя до крайности, почти до иступления. Но, как не ковырялся, так и не смог обнаружить хоть что-нибудь, пусть самое простое и посредственное. Неужели я так мало знал о жизни?

Телефон молчал, как проклятый. Сейчас я был бы рад любому случайному звонку. Так, лишь бы перекинуться парой слов. И даже Хемингуэй забыл мой номер, хотя иногда мы созванивались по несколько раз на дню. Время шло, а тишина все больше заполняла пространство вокруг. Как странно, я совершенно не привык к ней. Моя жизнь всегда была наполнена звуками, мелодиями, ритмом увядающего городка за окном. Пускай пройдет еще десять-двадцать лет и все тут иссохнет, и жизнь остановится. Но мое время – сейчас! Всего неделя отшельничества, а я уже спорю и воюю сам с собой, всячески пытаюсь отвлечься на музыку, которая сумбуром звучит в голове, не принеся ни одной конкретной ноты.

Так и сидел сиднем взаперти, погрязнув в какофонии мыслей, слов и нот. А однажды, в секунду беспробудного отчаяния даже было попробовал набрать номер мистера Шорта, но тот уверенно не брал трубку, переводя звонки на автоответчик. Каюсь, с ним бы разговаривать точно не решился. Но всячески надеялся, что Лайонел не забыл о своем обеща-

нии после нашей записи.

Когда надоело это, я в одиночестве бесцельно шатался по городу только лишь для того, чтобы потратить затянувшееся время. Иногда заглядывая в музыкальный магазинчик, скитался вдоль полок, болтал с продавцом, моим одноклассником, о новинках музыки. И, глядя на виниловые пластинки, думал, что среди них явно не хватает наших, квадратных конвертов «Блудного сына». Мечтал, что среди всей классической глянцевого кутерьмы – «Асепт», «Kiss», «Led Zeppelin», «Van Halen» – мелькает и наше имя. Для настоящих, искушенных ценителей. Что-то типа «Лучшее за 10 лет». Впрочем, где «Блудный сын», а где десять лет?! Я бы и рад был, но пока мы работали на время, а не наоборот.

– Пока! – я пожимал ему руку.

– До встречи, – школьный приятель подмигивал мне каждый раз, поднимая вверх большой палец. Ох, братан, я сейчас вообще ни в чем не уверен.

Однажды я забрел в закусочную около бензоколонки на окраине, где наткнулся на знакомых ребят, у которых мы когда-то играли на вечеринке. Помню в лицо, но по именам... Интересно, остались ли вообще в городе компании, у которых мы не играли? Это захолустье, из которого надо скорее бежать, делать ноги, иначе протухнем здесь как все те, другие. Маленькие города не дают ни единого шанса. Впрочем, лгу, шанс на то, что спиться здесь можно быстрее, где чем-либо еще слишком велик. Наш городок никогда не был куз-

ницей величайших музыкальных талантов, и угодило же меня здесь родиться.

Я мечтал совсем о другом: больших городах, блестящих стеклами небоскребах, знакомствах со звездами, которым можно тыкать, опрокидывая в себя очередной бокал виски где-нибудь в самом дорогом баре на бульваре Сансет⁴¹. И даже давать им советы. Ведь если ты там, то чего-то да и стоишь. А здесь ты кто? Местная рок-звезда, под которую можно послэмиться, запустить круг, а потом хлопать по спине и говорить, как это было прикольно. И ничего более. Периферия, одним словом.

Я – никто. Это написано у меня на лбу черными чернилами, и еще пару раз обведено, чтобы лучше было видно. Даром что прилепилась дурацкая кличка Кей-аккорд. Как проклятие. Как жалко себя!

Сначала мы болтали о чем-то, даже не вспомню, но потом на их предложение поиграть на ближайшей вечеринке я сказал твердое «нет». Нельзя разбрасываться талантом направо и налево, тем более, когда готов покорить вершину. Даже если ты и полуфабрикат никчемного музыкального мира.

В общем, парни звали нас поиграть у них в ближайшие выходные. Кроме дармовой выпивки предложили еще и небольшую сумму, что явно может покрыть порванный на последней репетиции барабан Эрла. Не сомневаюсь, что,

---

⁴¹ Бульвар Сансет (англ. Sunset Boulevard, дословно «бульвар закатов») – улица в городе Лос-Анджелес, штат Калифорния, США.

во-первых, это заманчивое предложение для группы с неясным будущим. Настолько туманным, что даже потенциальный продюсер на нее забил. А, во-вторых, я сомневался, что к ближайшим выходным «Блудный сын» будет в состоянии исполнить хоть что-то. Мои парни разбрелись по городу, словно бегемоты в жаркий день. Один кайфует, настраивая свои сраные струны и сшибает телочек на ближайшей трассе, двое других засели в баре, гоняя пиво и бильярдные шары по очереди.

Впрочем, все эти провинциальные зарисовки всякий раз говорили об одном: однажды научившись ездить на велосипеде больше не разучишься, правда? И музыкант остается музыкантом, даже если голову отобьет себе гитарой. Хотя, тут кому как повезет.

И то ли я о себе слишком возомнил, то ли сказала вся тяжесть предыдущих дней, но я уже не представлял себя на сцене перед взъерошенной публикой, которой особо и дела нет до нашей музыки. Вот так, по чесноку! Для них главное – пара-другая тяжелых аккордов, пара-другая пинт пива и движуха, что разом разбавляет все действо.

Не прошло и недели, а тот гигантский скачок для человечества, что мы сделали, завтра увидят все! И скоро наши песни будут гонять по радио, а мы соберем первый стадион... И что, после этого соглашаться на какие-то пьяные предложения, что сулят лишь забвение? Это тебе не «Диснейленд»? Второго шанса может и не быть. А был ли первый? Где Лай-

онел, где парни?

Я вдруг проснулся ото сна, который сковывал меня эти беспробудные дни.

– А не пойти бы вам... – я не договорил, но парни явно не хотели нарываться на конфликт и разом отвернулись, продолжив незамысловатую беседу. Не хочешь, а нам зачем стараться? Мало ли местечковых банд лабают на струнах за выпивку. Свистни – прибегут, ботинки будут облизывать за возможный шанс. Мы это уже проходили. И на том спасибо!

Я повернулся к ним спиной, высказав все свое «достопочтение», оставшись один на один со стеклянным бокалом. И, добив порцию виски с колой, спешно покинул заведение.

Потом я просто посидел под тенью деревьев в маленьком центральном парке, попивая холодную «кока-колу» и смотря на людей вокруг. Какая скукота!

Всякий раз я забавлял себя мыслями о том, как это – просыпаться знаменитым? Утром, в теплой постели, потягиваясь и еще не осознавая себя. Потом в ванне, чистя зубы и смотря в зеркало, понимать, что ты – Стивен Тайлер⁴², Мик Джаггер⁴³, великий и ужасный Оззи⁴⁴, ну, или, на худой конец, Кейси-аккорд. Интересно, как им, знаменитым, живет-ся с такими мыслями?

---

⁴² Стивен Тайлер – лидер американской группы «Aerosmith»

⁴³ Мик Джаггер – вокалист английской группы «Rolling Stones»

⁴⁴ Оззи Осборн – британский рок-певец, музыкант, один из основателей и участник группы Black Sabbath

Еще несколько таких дней и я сойду с ума. Только сейчас я заметил, как мало у меня иных увлечений. Я просто не могу думать ни о чем другом, как о музыке. Наше будущее все еще достаточно зыбко и не определено. А вдруг Вуду давным-давно растерял все свои связи? Тот самый халиф на час, распушивший перья над нами, а на самом деле обыкновенный лесной гриб, дождевик, выпускающий коричневый дым в воздух, как только перезреет. Все труха! А, что, если не растерял, как оценят его компаньоны нашу музыку? Немного успокаивало, что мы действительно сделали все, что могли. Пожалуй, наше лучшее выступление! Пускай и перед одним зрителем, но ведь он так много значил для нас, правда? Как зрительный зал, заполненный фанатами, или нет, как целый стадион!

Если бы я только мог знать, что думают парни, но неделю тишины, назначенную мной, никто не смел нарушить. Но, уверен, я был готов ответить за каждого из нас.

Хайер наверняка сейчас в приподнятом настроении, абсолютно уверенный в том, что все сделал круто. А уж какие воздушные замки он уже успел построить в воображении, одним богам известно. Скорее всего, сидит у себя в трейлере, прижимая к груди Энджи, закидывается очередной упаковкой с баночным пивом и смотрит телек. Так и представляет, что скоро там будет мелькать и его лицо. Впрочем, как не ему быть на острие скандалов. Уверен, что не самые симпатичные телочки сбегутся в телевизор, чтобы объявить о

случайной беременности и неподобающем харрасменте. Вот тогда уж нашего Хая потрепят за патлы. Хотя только его Эн-джи будет ему всегда верна. Стоп! Я не хочу об этом. Слишком уж красочно я могу себе это представить.

Что до Хемингуэя, то он точно считает, что мистер Шорт задумал какую-то пакость, не сошлись характерами, так и сидит в одиночестве в своей студии, посмеиваясь над молодыми «талантами». А если нет, то думает, как выжать из нас побольше бабла и превратить в коммерческий продукт. Хем, конечно, хороший парень, но в нем нет той коммерческой жилки, что превращает музыку в деньги. Так и будет играть на своем басу всю жизнь, не оглядываясь ни на что другое.

Да и по Эрлу точно не скажешь, что для него что-то изменилось. Зверь, грубый медведь. Такой он есть, все держит в себе. Уверен, если бы он даже вдруг убил и съел всю свою семью, мы никогда бы не узнали, это не читается в его глазах. Вообще, трудно понять, что у него на уме, кроме барабанных палочек. Скорее всего, он сейчас выбивает блаженные ритмы в райских куцах сна. А ритмы неспешные, с паузой, будто сигнал от мозга к рукам попал в пробку в час-пик и там задержался.

А я? А что я? Я огляделся вокруг, понимая, что не хочу больше никуда идти. Устал? Или что-то еще. Надо отправиться домой, включить фоновую музыку или телевизор с любимым «Discovery» и лечь на кровать. А потом, уткнувшись лицом в подушку, ожидать каких-либо ново-

стей. Все равно каких. Знаете, ненавижу состояние неизвестности. Мой самый большой страх. Когда вроде бы все хорошо и успех обеспечен, но это еще не точно. Находясь на перепутье, самое долгое – ждать. Сердце заходится в неровном ритме, пульс дрожит. В такие моменты я чувствовал себя цирковым канатоходцем, когда малейший ветерок может обрушить вниз любые надежды на успех.

Что ж, действительно пора идти. Я поднялся с лавочки и неровной походкой – виски дало в голову – отправился во-свояси, отмеривая шаги и притворяясь трезвым, что у меня плохо получалось. Пинал камни под ногами, оправдывая неловкие движения. Ладно, никто не заметит. Да и вряд ли кому-то было до этого дело.

Уже дома я свалился на диван, включив микс из любимых исполнителей, и прикрыл глаза, в очередной раз представив себя на сцене. Такая мантра: кому-то овечек считать, а мне – зрителей. Я представлял себя нотой в безграничной нотной тетрадке жизни...

Беспокойный сон, наполненный грезами и мыслями о нашем светлом будущем, прервал звонок. Я уже заканчивал очередную песню, выступая с группой где-то на Мальдивах, когда в мой сон ворвался настойчивый звук. Сначала я, было, принял его за писк комара. Но он усиливался, и парни на сцене крутили головами в непонимании. Я открыл глаза, сотовый елозил на полке, грозя свалиться на пол.

– Да? – в крошечной темноте лишь серебристый лунный

диск был единственным источником света. Сколько же я провалялся в прострации?

– Не спишь, Кейси? – я узнал его, этот голос. Может, если бы это был Лайонел, я бы испугался еще больше. Но нет. Я шумно выдохнул и сел на кровать, покачиваясь от не выветрившегося виски.

– Чего тебе, Хем? – буркнул я. Все-таки он первым нарушил наш обет молчания. Я так и знал, в нем бурлило и кипело в последнюю нашу встречу в гараже, и кому-то надо было вывалить на голову свои переживания. Видимо, я оказался первым в списке. Что ж, спасибо и за это! Я тоже соскучился по тебе, брат!

– Не знаю, что-то уснуть не могу, – усталым голосом пробормотал он, – понимаю, мои волнения ни к чему не приведут, но ничего поделать с собой не могу.

– Та же фигня, – признался я, – весь день шатался как умалишенный, пытался отвлечься... Когда уже этот чертов Вуду позвонит, почти неделя прошла?!

– Так и не звонил? – уточнил Хем.

– Нет.

– Все будет нормально, – он шаркнул носом.

– Ты уверен? Или так убеждаешь меня и еще себя до ку-чи? – я посмотрел на часы, большая стрелка стояла на без одной минуты час.

– Стараюсь верить. Потому что если мы облажались, то все зря. Ну или Шорт трепло.

– Вуду не понравился тебе с самого начала, – к чему разговор? Он что, опять хочет мне пожаловаться на Лайонела? Так я и так все знаю.

– Это да... – протянул он. – Тогда что дальше будем делать?

– Соберем еще денег, найдем другую студию, – я попытался взбодрить его. – Не переживай. Или продолжим выступать на пьяных вечеринках за выпивку...

– А ты не думал?.. – резко прервал он меня.

– Что? – вот уж выцепил из сна, а теперь отвечай на вопросы.

– Что ты себя переоцениваешь, и «Блудного сына» тоже?

– Ты действительно думаешь, что будь в городе еще пара гаражных групп, мы бы остались без работы?

– Не знаю, – он помолчал. – Но наша вакуумная жизнь безо всякой конкуренции может сложить неверное восприятие наших талантов.

– Ээээ. Даже мне не справиться с этим, – когда Хем начинает говорить мантрами, у меня начинает разыгрываться мигрень, – якажи проще.

– Дурак ты, – не даже показалось, что я увидел, как Хем почесал макушку. – На безрыбье и рак – рыба, так понятней?

– Понятно к чему ты клонишь. Типа, – я вдруг напрягся, – кого еще слушать, если слушать некого.

– Ну да, – он замялся, – не спотыкаемся через гитары и уже хорошо.

– А как же Вуду, ты думаешь, он тоже дурак?

– По мне, так Вуду не сможет отличить гитарную партию от хорового пения. Да Винчи был выше этого.

Ох, уж опять его присказка.

– Зато он умеет, как минимум, сводить пластинки, и у него есть своя студия и радиостанция. Своя, брат, подумай! Чего-то он в своей жизни уже добился.

– Я уже тебе говорил, и не меняю своего мнения, – отрезал он категорично.

– Хорошо, ты учился в Беркли и окончил с отличием, и тебя не раз хвалили.

– Они хвалят любого, кто идет на медаль, – Хем не отступал от своих принципов ни на шаг.

– Ну прекрасно. Тебе что, личное признание Джими Хендрикса надо, чтобы ты прекратил сомневаться в нашем таланте? – не выдержал я.

– Было бы неплохо, – я услышал, как он ухмыльнулся, – а потом скажешь, что он не хотел нас расстраивать.

– Может быть, ты и прав... – повисла пауза. Я замер в раздумьях, а Хемингуэй просто поддержал тишину, повисшую в трубке. – Все, хватит. Такие мысли до добра не доведут, – отлично мы играем и все тут!

– Хмм... – его не отпускали сомнения. Мне надо было поднажать.

– Ты спрашиваешь, чувствую ли я себя хоть иногда бездарностью? – я вдавил педаль газа в пол. – Что я, засыпая

ночью, думаю: «А, может, я не так уж и хорош»? Что хоть иногда меня тревожит мысль о том, что мое призвание не в музыке, и что я должен заниматься чем-то другим?

– Ну, в общем да, – Хем замялся.

– Знаешь, – уже начал злиться я, раздраженный сомнениями Хема. – После стольких лет с музыкой, я все сильнее ощущаю, что я был создан для нее. Я даже родился под одну из самых великих песен двадцатого века. Я создан именно для того – делать музыку, поднимать руки многотысячной толпы и заставлять ее в экстазе подпевать мне. Следить за каждым движением группы на маленьком пятачке сцены. Я абсолютно уверен! И ты своими сомнениями не сможешь разубедить меня ни на йоту! И даже если мы облажались сейчас, я буду пробовать снова и снова, пока не добьюсь своего! И мнение такого пройдохи, как Шорт, меня не заставит свернуть с моего пути – слишком многое уже сделано. Не хочу, чтобы когда-то, в конце жизни, ко мне пришла крамольная мысль, что я прожил ее неправильно, свернув не на том повороте. С Вуду или без, я намерен стать великим! Мы намерены стать великими! А «Блудный сын», поверь мне, обязательно будет в Зале славы рок-н-ролла! Как Чак Берри, Джеймс Браун, Элвис Пресли, Би Би Кинг, Джон Леннон и Пол Маккартни, Боб Марли, «KISS», «Nirvana», «Green Day» и остальные великие другие! – произнес я в трубку так пылко и пламенно, что на другом конце на несколько секунд повисло гробовое молчание – я даже дыхания не слышал.

Хема что, так восхитило мое выступление, что он забыл, как дышать?

– Это значит «нет»? – спросил, наконец, он.

– Это значит «нет»! – подтвердил я, немного успокоившись. Как же вывел он меня!

– Вот и славно, – Хем явно повеселел. – У меня, конечно, нет твоей уверенности в собственной исключительности, но теперь я хотя бы могу спокойно пойти и выпить пару пинт⁴⁵. Спасибо, что развеял мои переживания.

– Не за что! – только и пробурчал я.

– ...А потом спать, – он с чего-то решил, что я должен знать обо всех его ближайших планах. Одно хорошо, Хем действительно расслабился. Да что уж говорить, мы все в последние дни были напряжены, – глядишь, мне, как и Хайеру, приснится гримерка, полная алчущих меня фанаток, – он даже пытался шутить.

– Куда тебе до нашего одиночки. В его фантазиях к нему наверняка уже толпится очередь. От Нью-Йорка до Сан-Франциско. Девушки мечтают родить от него детей, а парни – коснуться его гитары, как древнего священного артефакта, который наверняка приносит удачу. И мужскую силу.

– Ха, с этим точно стоит обратиться к Хайеру, как напьется вечно талдычит, что у него стоит, как гитарный гриф... – хмыкнул Хем. – Доброй ночи, Кейси.

– Ага, доброй, – я скинул звонок, мимоходом взглянув на

---

⁴⁵ Пинта – единица объема в английской системе мер, равная 0,568 литра.

часы – половина второго. Это сколько же мы проболтали?

Дубовый хмель от виски почти выветрился, и голова прояснилась. Я заметил только сейчас. А что, не такая уж и плохая идея насчет пива. И пусть Хайер дрожит пока там в фургончике на свою Энджи. Я действительно был о нем невысокого мнения.

Поднявшись с дивана, я побрел к холодильнику.

Вот ведь, а я и правда никогда не сомневался в том, что могу играть плохо. Моя музыка словно тайное знание, переданное мне от предков или от древних индейских шаманов, бубном вызывающих духов потустороннего мира. И будем надеяться, что моя самоуверенность поможет нам добиться того, к чему мы искренне стремимся. Ведь если ты звезда, можешь хвалиться, мол всего добился сам, и с музыкой на «ты», а подруга-муза вообще живет в твоём доме. И все такие: «Да, этот парень – чертов гений!» А когда ты играешь на вечеринках у пьяных забулдыг, то в глазах других – лишь бездарность с раздутым самомнением. А разница только в объеме успеха.

Тихо щелкнула банка, обдав мягким звуком шипения вылетающих из нее пузырьков. Одним глотком я одолел ее, запрокинув наверх. Приятная прохлада провалилась в желудок. К черту все лишние мысли! Надо поспать.

И так же, на ощупь добравшись до кровати, рухнул в нее, ощущая, как меня одолевает сладкий сон. Видимо, Морфей уже был наготове, ожидая в виноградных кустах со сладко-

звучной арфой в руках. Ну, а что, не одному же Хайеру мечтать?

ГЛАВА 8. ПРИВЕТ, МИСТЕР ШОРТ!

Проснувшись утром, первым делом я проклял Хема до десятого колена, не забыв пробежаться по всем его дальним родственникам. Досталось им хорошенько, скажу я вам. И еще по той причине, что ему каким-то образом удалось залезть в мою голову. Не знаю, сделал он это преднамеренно или нет, но факт остается фактом. Всю ночь мне снилось такое, чего не пожелаешь даже захудалому начинающему артисту.

Я скитался по большому городу, замирая под окнами студий звукозаписи, и кричал, задрав голову вверх, чтобы хоть кто-нибудь меня услышал. Но темнота в окнах была молчаливым ответом, и даже ни одна створка не скрипнула. «Засунь себе свое самолюбие в жопу», – промелькнула мысль.

Потом, раздобыв где-то раздолбанную гитару, которая была раза в два старше меня, играл на расстроенных ладах посреди оживленных улиц, провожая глазами проходящих мимо людей. Но никто, никто из них не остановился, чтобы послушать хотя бы куплет, никто даже не посмотрел в мою сторону. А я вместо того, чтобы уйти, не находя отзыва в сердцах, продолжал играть. Ох, и чудовищный же был звук! Честно говоря, они правильно делали, я прекрасно понимал их. Я и сам поспешил бы пройти мимо, чтобы меня не за-

дел ни один звук, вылетавший из-под пальцев случайного уличного музыканта. Но на своем месте я словно был прикован стальными цепями к булыжникам мостовой, что не давали сдвинуться с места, а моя муза теперь яростно склевывала всю самоуверенность, разрывая ее на куски, что тот орел – печень Прометея⁴⁶. Пытка, достойная греческих мифов. Тантал⁴⁷, Сизиф⁴⁸ и другие титаны Олимпа тихо плачут в сторонке. Я же продолжал играть – попросту не мог остановиться.

В подтверждение всему окружающему меня кошмару ни одна монетка, ни один самый ржавый квотер⁴⁹, не упал в мою бейсболку, лежащую под ногами. Безразличие окружающих было настоящей платой за источающую боль той музыки, которую я играл. Мои пальцы не слушались меня. Я, как и все древние боги, также был обречен на вечные муки.

Я проснулся в холодном поту, по телу бежала дрожь от ужаса, безысходности и отчаяния. Одеяло и подушка тоже были мокры, будто всю ночь гасили охвативший меня жар.

---

⁴⁶ Прометей – герой древнегреческих мифов. Похитил у богов Олимпа огонь и передал его людям. За этот поступок он был наказан и прикован цепями к скале, а вновь и вновь прилетающий орел выклевывал его печень.

⁴⁷ Тантал – в древнегреческой мифологии царь Сипила во Фригии, обреченный на вечные муки голода и жажды в подземном царстве Аида.

⁴⁸ Сизиф – строитель и царь Коринфа, после смерти приговоренный богами катить на гору в Тартаре тяжелый камень, который, едва достигнув вершины, раз за разом скатывался вниз.

⁴⁹ Квотер (амер. quarter dollar) – монета достоинством 25 центов.

Пуча глаза и хватая воздух ртом, как космонавт с разбитым скафандром, я постепенно приходил в себя, соображая, что нахожусь в своей комнате, а не восседаю на корточках, закутанный в лохмотья, перед пустой бейсболкой, наполненной только лишь моей печалью, где-то на улице посреди большого города и спешащих мимо случайных прохожих. Прошло еще несколько долгих секунд прежде, чем я окончательно убедился в этом, ощутив кровать под собой, тумбочку рядом и телефон, лежащий на ней. Какое же счастье – я все-таки дома, а сквозь окна бледными солнечными лучами проникло раннее утро, вдобавок расцвеченное розовыми облаками.

Я попытался восстановить дыхание, не без злорадства думая о том, какими оскорблениями награжу Хема при встрече. И если бы сейчас под рукой оказался словарь английского матерного – чем толще, тем лучше – то моей опалы ему точно не избежать. И «сукин сын» было бы в моем словесном потоке, пожалуй, самым безобидным. Сам-то, поди, спал как младенец в колыбели после мамкиной сиськи! Я слышал про такое, энергетический вампиризм называется. То-то у него настроение поднялось, на шутки потянуло. Хитрюга Хемингуэй просто переложил свои переживания на меня, для того и позвонил! Обещаю, что ему обязательно воздастся на ближайшей же репетиции.

Опустошив стакан воды залпом, протерев веки и плеснув в себя несколькими глотками ледяной воды из-под крана, я основательно и безапелляционно признал все бредом сума-

шедшего, про который лучше не рассказывать вслух в приличном обществе, да и самому Хему тоже.

Когда я окончательно успокоился и очередные ноты зазвучали у меня в голове, пришлось признать, что виной всему был лишь плохой сон, не более. И Хем тут вообще ни при чем. Меня никто не проклял, не выпил душу, не украл яйца, и Дамоклов меч⁵⁰ висит все-таки не так угрожающе на тонкой нити над моей беззащитной башкой. Мда... Пожалуй, придется извиниться перед всем родом Хемингуэя, попавшим сегодня под мою горячую руку и словцо.

Если кого и надо обвинять во всем происходящем, то проклятого Лайонела, мистера Шорта, DJ Вуду и как там его еще, который и устроил этот праздник жизни, сначала вдохновив, а потом бесследно исчезнув без последнего «пока-прости!» или, на худой конец, прощальной эсэмэски, как плохой любовник, оставив в полном раздрае. И что мне думать обо всем этом?.. Как же не хочется скатываться обратно в ту депрессию, где застрял я вчера.

Все-таки спасибо Хему! Он хотя бы постарался что-то сделать, вернул мне самоуверенность и желание дальше долбить стену шоу-бизнеса. Когда-нибудь она поддастся мне и рухнет. Ведь даже если долго стучаться в закрытую дверь, кто-нибудь, наконец, да и откроет ее с той стороны, хотя бы

---

⁵⁰ Дамоклов меч – в переносном смысле – нависшая над кем-либо постоянная угроза при видимом благополучии. Понятие берет начало из греческого предания о царе Дионисии Старшем и его фаворите Дамокле.

из праздного любопытства, чтобы посмотреть на такого настойчивого чудака снаружи. Ну, а там уже где наша не пропадала...

Телефонный звонок, оборвавший мою мысль, был неожиданным, как гром среди ясного неба или баянист с балалаечником в дум-метал⁵¹ группе. Последнее даже точнее. От внезапного звука за спиной, я почти подпрыгнул на месте, словно ужаленный в причинное место огромной осой.

Слишком нервное утро. Еще что-нибудь в подобном роде, и можно заказывать похороны фронтмена группы «Блудный сын» Кейси-аккорда, несостоявшуюся звезду мировых турне. Коричневый блестящий гроб, белые тапочки и похоронный марш на электрогитарах прилагаются – все по последнему писку моды. Взяв телефон в руку и увидев на определителе незнакомый номер, я хотел уже было сказать звонившему все, что я о нем думаю, но тот оказался быстрее.

– Я уже говорил, как вам повезло, что вы встретили меня, парни? – раздался голос Вуду на другом конце. Свет на тебе клином не сошелся, забыли уже как звать, и вот на тебе, гаденыш объявился.

Я набрал в легкие воздуха и хотел ответить давно подготовленное «нет», но он тараторил дальше. Видимо, его вопрос был чисто риторическим. Действительно, зачем ему слушать меня?

---

⁵¹ Дум-метал (англ. doom metal) – экстремальный поджанр метала с преобладанием медленных темпов.

– Привет, мистер Шорт! – я пытался казаться спокойным. Теперь-то я точно знаю к кому применю застоявшееся во рту «сукин сын». Но тот не умолкал. Я еще не привык к тому, что Лайонел не любил топтаться на месте, а переходил сразу к делу, без всяких там предварительных ласк. Кому-то может и не понравиться, но зачем время терять?

Судя по интонации, Вуду прибывал в крайне возбужденном состоянии.

– Мы не просто так нашли друг друга, Кейси! Мой опыт, знакомства и ваша музыка сделали свое дело! – я подозревал, что Лайонел сейчас прямо-таки подпрыгивает на месте от радости, или, может, просто укурился. – Я отправил ваш ЕР нескольким лейблам, сгонял в Нью-Йорк, а оттуда первым же рейсом в Лос-Анжелес, перетер с бывшими коллегами и, ты можешь не верить, но уже появились желающие посмотреть на вас живьем. Если понравитесь так же, как ваша музыка, то и до телевидения, радиоэфиров, концертов и остальной звездной движухи недалеко. Ты готов? – он не умолкал, – скажи своим парням, чтобы умылись и приоделись, или наоборот – чего вы там играете – поп, рок или панк? Я уже забыл. Надеюсь, ваша группа еще не распалась? – он весело захохотал в трубку, потешаясь над удачной шуткой. – В общем, одевайтесь соответственно. Только вот давайте без всяких там подведенных глаз, лосин⁵² и клетчатых рубашек.

---

⁵² Намек на глэм-рок (англ. от glamorous – «эффектный») – жанр рок-музыки, возникший в Великобритании в самом начале 1970-х гг. Для исполнителей были

Все уже было – нужно что-нибудь такое, современное, в духе цифрового времени, узнаваемо. Да, и звезд на лицах тоже не рисуйте⁵³ – семидесятые давно прошли.

У меня перехватило дыхание. Получилось! Ну, почти получилось!

Еще вчера я был готов размазать ублюдка о ближайшую стену, если бы встретил его где-то в городе. Я бы просто раскатал этого самовлюбленного шута в любой подворотне, а после обоссал бы его поганую лысину. Да что там вчера – минуту назад я готов был сделать тоже самое. Но не сейчас. Все изменилось в один миг! Вчерашняя безвестность вдруг превратилась в пышущий бутон, который таит в себе красоту дребезжащей славы завтрашнего дня. Впрочем, к чему все эти эпитеты? Мы на пороге больших перемен после тоскливой неразберихи и полного дестроя. Это тебе не какая-то замшелая студия на окраине цивилизации, нас ожидают серьезные дела. Всего-то и осталось, что составить о себе приятное впечатление у больших дядек из серьезных лейблов.

– А как же... – не успел я задать вопрос, как Вуду снова меня перебил.

– В общем, в понедельник летим в Нью-Йорк, так что собирайте вещички и постарайтесь выглядеть... Постарайтесь

характерны яркий образ, театральная эффектность костюмов, обильное использование макияжа и блесток.

⁵³ Имеется ввиду группа «KISS» (с англ. – «Поцелуй») – американская рок-группа, играющая в жанрах глэм-рок и хард-рок. Широко известна сценическими макияжами ее участников. Один из хитов «I Was Made for Lovin' You».

просто выглядеть. Мистер Шорт сделает все остальное за вас.

– В Нью-Йорк? В понедельник? – я, наконец, смог вставить свой вопрос среди его неумной болтовни, – а сегодня что?

– Суббота, у вас есть пара дней. – напомнил он. – А что, у тебя есть какие-то дела поважнее? Тогда я отменю встречу и все, делов-то.

– И что там, в Нью-Йорке? – осторожно уточнил я.

– Как что? «Sony Music»⁵⁴, конечно. А что, я разве не сказал? – Он был готов лопнуть от гордости, – извини, забыл.

– «Сони»? – в голове зашумело. – Мистер Шорт, вы серьезно?

– Им понравился ваш EP и хотят сделать из этого полноценный альбом. У вас же есть еще песни? – он послушал тишину в трубке. А я даже не нашелся, что ему сказать. – Впрочем, я не сомневаюсь. Самое главное – хит – у вас уже есть, остальное время на пластинке добьете чем-нибудь еще, может и не таким классным!.. Ведь у вас есть что-то еще не такое классное.

Вуду продолжал говорить, но я почти не слушал его. Мысли в голове переплетались, что драконы на китайской фарфоровой чашке. Я не мог выдавить из себя ни единого слова. Я и вдохнуть-то не мог, дыхание перехватило.

---

⁵⁴ Sony Music Entertainment – вторая по величине в мире звукозаписывающая компания.

Вот так расклад – с корабля на бал, не меньше. Я бы все мог принять – пусть даже и небольшой музыкальный лейбл, который был чуть больше нашего музыкального магазинчика в городе – любой инди-лейбл⁵⁵ из существующих в стране. Ну, может, даже усмехнулся такому нехитрому результату работы Вуду, ведь он так старался, но принял бы и его. Маленький шаг для человечества, но огромный для меня. Но вот так, одним гигантским скачком прямо в «Сони»?! К одному из самых пузатых мейджоров⁵⁶ музыкального рынка планеты, которого хлебом не корми, дай заработать на всем, что хоть как-то связано с музыкой. Я как бы не ожидал такого, мягко говоря.

Так и продолжал стоять, посреди комнаты, покачиваясь и молча моргая, уставившись в окно, с телефоном в руке. И чтобы показать Вуду, что я не помер на радостях, неопределенно помычал в трубку.

– Бог мой! – он притворно вздохнул, – а ты что думал, малыш? «Мердж Рекордс»⁵⁷, или, может, еще какие подобные инди-лейблы? Нет уж, на мелочи не размениваюсь, – он рассмеялся в трубку. – Понимаю, у тебя нет слов, чтобы отблагодарить меня. Но это все впереди, еще успеешь...

---

⁵⁵ Инди-лейбл (англ. indie label от independent – независимый, самостоятельный) – лейбл звукозаписи, позиционируемый как альтернативный мейнстриму, независимый от музыкальных корпораций.

⁵⁶ Мейджор (англ. major) – крупная компания, занимающаяся производством кино и музыки.

⁵⁷ Merge Records – Инди-лейбл. Артисты: Arcade Fire, She & Him, Spoon.

ГЛАВА 9. СЛЕДУЙ ЗА МЕЧТОЙ

История всех групп делится на «до» и «после». И часто бывает, что путь до музыкального Олимпа гораздо сложнее, чем пребывание на нем. Именно об этом и стоит рассказывать. Эта дорога готова испытывать любого, кто имел неосторожность ступить на нее. Даже если ты рожден для того, чтобы создавать музыку, даже если это твое жизненное кредо. В музыкальную топ-тусовку пускают далеко не всех, лишь самых настойчивых. Тех, кто в силах удержать за хвост синюю птицу удачи, так настырно вырывающуюся из рук. Тех, кто сумел посадить ее в большую клетку с толстыми прутьями, откуда ей уже не упорхнуть.

Сколько я времени потратил на то, чтобы рассказать с чего все началось и как мы к этому пришли как вдруг: раз и все! Похоже, яснее не стало...

Ладно, постараюсь разложить все по полочкам.

С того момента как мы стучались в двери звукозаписи мистера Шорта до текущего момента прошло почти семь лет. Семь лет упорного, добропорядочного труда от гаражной группы до символа поколения. И уже можно сравнивать с «The Beatles» и «Queen» – такие же легендарные. Все эти годы я практически не сидел на месте. Моя жизнь превратилась в мешанину из сочинения песен, репетиций, концертов,

встреч с фанатами и разумеется, множество переездов и перелетов. Во всем это калейдоскопе было очень трудно урвать время для отдыха или налаживания личной жизни, которую я решил завести, когда после смачной попойки с ребятами и несколькими фанатками. Помню, однажды я проснулся не только с головной болью, будто мне о голову разбили Энджи до щепок, после чего Эрл со всей своей богатырской мощью воткнул меня в землю, но и с панической атакой, будто я вот-вот откинусь. Не откинулся, если вы заметили, но страху натерпелся на две жизни вперед.

Тогда, в начале пути, нам повезло вырваться из безымянного гаража в маленьком городке на большую сцену, с местных пьяных вечеринок прямо в первое мировое турне. Сколько мне было, когда кофемолка закрутилась? Уже и не вспомнить. Двадцать лет, кажется.

Это не было чудом, или мигом удачи, как могли бы подумать многие – только результатом большой и кропотливой работы, проделанной нами всеми. Из квартета мы превратились в крепко сбитый квинтет. Я и сам понял простую истину – будь ты хоть трижды талантлив, хоть умей стоять на голове, но в команде должен быть и тот, кто заправски умеет управлять этим цирком. А мистер Шорт умел. Его талант администратора, музыкального менеджера, был на вес золота, как и у меня – писать музыку.

Без больших связей и умения договариваться мы бы так и остались прозябать в неизвестности. Идея симбиоза срабо-

тала, и «Блудному сыну» лишь оставалось делать свое дело. Нам доставались залы, музыка и любовь поклонников, а Вуду мастерски вел переговоры и отсчитывал кэш на карманные расходы.

Что там стало с его радиостанцией и студией звукозаписи – не знаю, да и никогда после не спрашивал его. Наверное, подыскал замену. Думаю, нашлось немало желающих сидеть в теплом офисе, плевать в потолок, попердывать в большое кожаное кресло и сводить пластинки. Та еще работенка – не бей лежачего, это вам не на заводе у станка стоять.

Итак, начав с небольших залов в пару сотен человек, перемещаясь от одной площадки к другой в небольшом трейлере, который вмещал наш нехитрый скарб, незаметно для самих себя, мы расширили свои горизонты и амбиции.

Первый год, когда наш звездный путь только начинался, я и написал многое, в том числе и самые свои лучшие песни. Они были пронизаны усталостью дорог и невероятной силой пути за своей мечтой. И всякий раз был рад, что мое вдохновение перешло и моим слушателям. Порой за сценой мне удавалось перекинуться парой слов с кем-нибудь из них во время автограф-сессии. И часто находились такие, которые благодарили, искренне, от сердца, за то, что своими песнями я давал им стимул жить дальше. Правда, это приводило меня в восторг! То самое чувство, когда понимаешь, что кому-то помог. Не просто способ набить карман деньгами, а настоя-

щее искусство – не больше и не меньше. И я умел разделять это.

Потом залы становились лучше, а слушателей больше. Появился и второй трейлер с аппаратурой высокого класса, неотрывно следовавший за нами. Рабочие поднимали мониторы, звукорежиссер выстраивал мониторы. А мы вместе с нашими инструментами часто ютились на маленьком острове сцены, окруженном светом больших прожекторов и океаном поклонников. Залы были наполнены под завязку и sold out⁵⁸, кажущийся ранее невозможным, стал уже привычным и обыденным.

В те дни мы исколесили всю Америку вдоль и поперек иногда засыпая в Остине, а следующим вечером играя очередной концерт в Спрингфилде, отмахав шестьсот миль по федеральным трассам в нашем трейлере. Мы были одухотворены происходящим настолько, что нам хотелось продолжать творить, играть, вдохновлять, записывать новые песни и... спать. Ох, уж этот вечный недосып во время туров. А спать, скажу я вам, безумно хотелось! Но не этой ли безумной кутерьмы мы жаждали? Да, пожалуй, именно ее!

Мой гейзер творческой энергии вместо того, чтобы убить, жаром фонтанировал изнутри, рождая новые рифмы и накладывать их на аккорды. Нам было по двадцать, мы были неубиваемы.

Я строчил песни в салоне самолета, в кресле нашего трей-

---

⁵⁸ Sold out – в данном контексте «Все билеты выкуплены».

лера, в перерыве между концертами и придорожных кафе. Многие из них сразу отправлялись в помойку, но другие, связываясь строками, складывались, словно пазл, рождались в виде очередного хита, который мы добавляли к ближайшему выступлению в концертный сет-лист.

Тут уж все были «за». Как же так – не показать очередной новый материал. Все это быстро оказывалось на Ютубе и набирало миллионы просмотров. Наши фанаты быстро разносили музыку группы по соцсетям. Вуду был крайне недоволен и в какой-то момент наложил строгий запрет на исполнение нового материала. А в груди кололо от нового неистовства песен!

Мы прошли путь от самого первого хита до того момента, когда чуть ли не каждый новый сингл «Блудного сына» попадал в музыкальные чарты, то сразу оказываясь на вершине хит-парада Billboard Hot 100, то, стремительно скользила вверх, начиная отсчет с самого последнего места последней десятки.

Мы с ребятами, порой, даже держали пари, до какого места дойдет очередная песня, а чем еще заниматься музыкантам в турне?! На удивление, чаще всего выигрывал наш молчаливый Хайер, который в стотысячный раз настраивая любимую Энджи, даже сейчас он не отказался от нее – бросал в воздух совершенно случайные цифры. И надо же, фортуна часто оказывалась на его стороне. А моя главная песня, что когда-то зацепила больших боссов из «Сони» – наш хит

«Follow The Dream»⁵⁹ – так и вовсе удерживала первое место на протяжении шестнадцати недель в топе! Шестнадцать! Кому такое еще удавалось? Мэрайе Кэри, Луису Фонси и «Блудному сыну», черт побери! Чем не повод открыть бутылку-другую «Кристалл»⁶⁰? Это очень вдохновляло!

Мы быстро набрали высоту, ни секунды, не боясь с нее сверзиться. А оказавшись на самой вершине, разом забыли ту, прошлую жизнь, начав новый отсчет. Как быстро забывается все плохое. Удача подменяет понятия, стирает из памяти неудачи, оставляя только веселые истории, которые можно под смех и хохот рассказать на очередной вечеринке на звездных дорожках Голливуда, Вегаса, озаренных яркими прожекторами и вспышками фотокамер вездесущих папарацци и официальных СМИ.

Теперь наши лица постоянно мелькали на обложках «Rolling Stone», «New Musical Express», «Rock It Magazine» и многих других музыкальных журналов – всех и не упомнишь. Я пытался поначалу было коллекционировать все вырезки, где было упоминание о нашей группе, но быстро бросил это бесполезное занятие – их было слишком много.

Толпы фанатов, спешные перелеты и переезды из города в город: Лос-Анджелес, Прага, Рим, Монте-Карло, Ницца, Па-

---

⁵⁹ Follow The Dream (англ.) – Следуй за мечтой.

⁶⁰ Cristal – торговая марка шампанского производителя Louis Roederer. Шампанское продается в хрустальной бутылке с плоским дном и в анти-ультрафиолетовой целлофановой обертке с золотым ярлыком. Его высокая цена придает вину образ исключительности.

риж, Шанхай, Токио, Москва и даже трудновыговариваемый русский Владивосток, или он все-таки японский?

Мы отмахали полмира, следуя за своей мечтой! И если бы я собирал мили, давно бы стал золотым клиентом. Да все авиакомпании быстро разорились бы на нас. Очень вовремя Вуду взял в аренду самолет – небольшой бизнес-джет Bombardier Challenger 300 – и установил туда мини-студию, где мы могли заниматься творчеством даже во время перелетов.

ГЛАВА 10. ПОРА ЗАЖЕЧЬ!

Еще один концерт, один из многих. Двухтысячный или больше – мы уже потеряли счет. Большой зал State Music Hall где-то в Алабаме, кажется. Я устал запоминать их все, тем более что названия все чаще повторялись. Все как обычно – самолет приземлился на посадочной полосе, пробежав отмеренные пилотом сотни футов. В тот момент мы были распластаны в креслах, давя задницы и храпя каждый на свой лад.

– Привет, синьоры! – странная привычка капитана воздушного судна здороваться после каждого приземления теперь даже не казалась нам забавной.

Закинув спросонья инструменты на плечи, мы медленно спустились по трапу позевывая и потягиваясь, на взлетно-посадочную полосу, где нас уже поджидал микроавтобус, готовый преодолеть очередные футы до ворот, а там, скользя через весь город, разгрузить у концертного зала. Какие еще достопримечательности? О чем вы? Максимум водитель возьмет автограф и все. А иные даже не знали, что за группа едет у него за спиной. Слишком непривлекательными мы были в тот момент. На головах петухи и слипшиеся копны волос, изо рта воняет, что из навозной кучи. Одна мечта – добраться до ванной очередного отеля. А что нам остава-

лось? Вся неутомимая жизнь нашего музыкального бэнда – голубое небо и лабиринт улиц. На впечатления места просто не остается. Я бы и рад был поваляться на пляже где-нибудь в солнечном Камари⁶¹, оставив все мысли на потом, но турне такого не предполагает – нас ждет очередной концертный зал, который слишком похож на такой же другой.

С самого утра меня преследовало какое-то паршивенькое чувство, такое, знаете ли, что зудит комаром над ухом. Я уж и пытался его прогнать, и сделать вид, что его не замечаю, но осторожное и опасное чувство меня все время нагоняло, будто зная обо всех наших планах.

Уже сев в автобус, я обернулся на парней. Им, кажется, не было дела ни до чего. Эрл хохотал над очередной довольно-таки эстетической шуткой Хемингуэя. Вот медведь так медведь, кажется, его ничем не проймешь. А вот тебе на! И я даже было попытался вяло улыбнуться, но улыбка вышла кривой и крайне нездоровой. Даже Хем округлил глаза. Да что ж такое?

В какой-то момент, пока мы пересекали город, кажется, мне даже удалось избавиться, потерять тот назойливый шум в ушах. Да и потом, суета в гримерке, саундчек – и все, как будто его и не бывало. Можно было подумать, что в аду просто на мгновение вспомнили про меня, а потом забыли, отвлекшись на других грешников. Впрочем, мы не такие. Хоть церковь и далека от рок-музыки, но и мы, порой, приходим в

---

⁶¹ Камари – вулканические (черные) пляжи на острове Санторини, Греция.

храм с молитвами и свечами. Все такие милые и пушистые. Ад – это не про меня, несмотря на цепи, кожу и длинные волосы. Не суди, да не судим будешь.

Когда все уже было готово, и я сидел в одиночестве перед зеркалом в бэкстейдже⁶², давящее чувство тревоги вновь набросилось на меня, как соседская овчарка на Хайера. Я не рассказывал?

У Хая специфические отношения с братьями нашими меньшими – плохие, чего уж тут скрывать. И если кошки максимум шипели, а чаще – держались от него подальше, то собаки кидались на него, чуя за версту, будто именно он своровал тщательно запрятанную вкусную кость. Впрочем, по правде говоря, я бы и сам не разделил с ним банку пива, так, на всякий случай. А уж звери чувствовали внутри него нечистую силу, прямо как в тех фильмах ужасов. Так вот, эта овчарка прямо-таки изрыгала на него всеми нечистотами организма, когда Хай проходил рядом. Сатанинское отродье! И даже непонятно, кому больше идет такой эпитет – собаке, или самому Хаю.

В общем, я снова почувствовал это внутри себя – то непонятное чувство. Сердце зашло в быстром ритме, пульс участился. Неясное предзнаменование. Что-то неуловимое, странное, и в то же время гнетущее. Стены тесной комнаты

---

⁶² Бекстейдж (от англ.: backstage – закулисы, закулисный, находящийся за кулисами) – действия, процессы, которые не видит зритель – «за кулисами», «за сценой», «за кадром».

примерки давили еще сильнее. Такое бывало раньше, не со-
срать, но я никогда не обращал внимания. Только бы удалось
унять внутреннюю дрожь. И на том спасибо!

О, Господи, если вы думаете, что звездам хорошо живет-
ся, вы просто ничего не знаете о нас! Внутренние демоны
каждый день крошат плоть, пытаюсь найти выход... Не так
уж нам и легко. День за днем – работа, без выходных. Так и
до антидепрессантов рукой подать.

– Кейси, на выход через пять минут, – я и не заметил, как
Вуду оказался рядом. Он хлопнул меня по плечу и указал
рукой в сторону двери.

– Окей, – я кивнул головой в ответ и посмотрел на себя
внимательно в зеркало в поисках малейших изъянов. Вроде
все в порядке. – Фуууххх, – выдохнул я с облегчением. То
самое необъяснимое чувство опять исчезло, как и не бывало.

– Блудный сын! Блудный сын! – Стонали тонкие стены.
Что же, пора зажечь!

До конца интро⁶³ оставалось ровно тридцать секунд. Я сам
придумал его, чтобы оставить время на моральную подготов-
ку к очередному выступлению. Проходил это и знаю, что все
будет позже: и крики из зала, и энергетика, летящая со сце-
ны, вернется, преумножившись в разы. Все это нужно было
лишь мне самому. Вот Эрл уже сыграл свое соло, а Хем, по-
вторяя за ним рисунок, выдал самую толстую ноту, и даже
Хайер был близок к очередному музыкальному оргазму. Те-

---

⁶³ Интро – небольшая музыкальная пьеса, предвещающая выступление группы.

перь и моя очередь.

Вуду хлопнул меня по плечу – такой жест вошел в традицию. На самой высокой ноте я появился на сцене в свете прожектора. Зал неистовствовал. Я ощущал себя богом! Я мог делать с ними все, что захочу.

Круг света лег на мои плечи.

– Привет, Алабама! – рев из зала похоронил мои слова под собой, примерно в паре метров. – Ну что, зажжем?

– Даааааа! – зал ответил мне стократным, отражающимся от стен эхом. Другого ответа я и не ожидал. Что же... я провел пальцами по струнам и зрители замерли в предвосхищении. Стало настолько тихо, что я слышал биение собственного сердца. Через мгновение, когда музыка польется в уши зрителей благоговейным музыкальным водопадом, они опять взорвутся криками и овациями. Обожаю!

Я обернулся и подмигнул Эрлу. Это был наш знак – зал готов.

Хочешь ли ты понять, что значит мечта?

И как идти к ней, не сворачивая ни на миг?

И если бы тобой был я,

Ты услышал бы мой пронзительный крик.

Я начал с нашего главного хита. Его и так миллион раз крутили по радио, а просмотры на Ютубе перевалили за сотню миллионов. В черном мареве зала тысячами зажглись мо-

бильники, словно свечи, покачиваясь в такт. Как же было красиво! Словно черноту ночи озарили все ярчайшие звезды. Это ли не момент славы?

Зал качался, кричал, махал телефонами, рвал глотки, исполняя вместе с нами популярный хит. Какое неистовство, божья благодать, спустившаяся с небес прямо в концертный зал. Я собирал его энергетику по крупичкам, вдыхая в себя, наполняясь ею. Лучше, чем кокаиновая дорожка, поверьте мне. Есть с чем сравнивать... Еще чуть-чуть и меня разорвет, надо бы остановиться, дать паузу.

Я дошел до середины, обернулся на парней и приложил палец к губам. В полной тишине, без каких-либо звуков со сцены, зрители стали петь. Их голоса хором звучали в тишине, опрокидывая ее.

*И если бы вдруг не успел -
Я знаю, не каждый бы смог превозмочь,
Но за поворотом скрылась она,
И тебе ничем не сможет уже помочь.*

А я и не сомневался. Не слишком ли я самоуверен стал? А могло ли случиться такое, что они забыли слова и мы бы провели пару минут в молчании?

Нет, невозможно. Это вообще не про нас. Выбравшись из гаража, мы только и делали, что сражались за себя, за «Блудного сына» в первую очередь. И в этой войне каждый пре-

успел по-своему, но за каждым была своя победа. Я никогда не умалял, не преуменьшал значения любого из нас, потому что был уверен на сто в каждом из своих парней. Даже мистеру Шорту поверил в какой-то момент. И всегда надеялся, что это взаимно.

Если вы думаете, что стоять на сцене и просто произносить слова легко, то нет, попробуйте сами. А для порядка, напишите свой собственный текст. Ну так, просто, чтобы попробовать силы. Поверьте мне – нелегко, от слова «совсем». НЕ-ЛЕГ-КО! – именно так.

Последний аккорд, соло Эрла с его завершающим бумбац, и мы погружены в яркий свет горячих прожекторов, несмолкаемый рев аплодисментов и шум голосов. Было круто!

– Алабама, вам понравилось? – в ухе пискнул наушник. Первые ряды взорвались ором, пуская волну назад. А там творилось вообще что-то сумасшедшее. Галерка размахивала флагами, – наивные, тут мы не видим никого – даже первый ряд с большим трудом. – Ну, что же, тогда мы продолжим.

Хем задал басовый риф, Хай заложил аккорды на Энджи, заведя зал по полной. Эрл подхватил ритм, раскачивая толпу еще больше. Я заметил, как охранники перед VIP-зоной сучковались, оглядываясь по сторонам. Неровен час и металлические ограждения перед сценой не выдержат, приняв на себя удар разгоряченной толпы. Я даже боялся предста-

вить, что тогда произойдет.

А в зале начался слэм⁶⁴! Что ж, не первый раз, и, уж надеюсь, не последний. Рок-н-ролл не стареет, и даже дядьки с повязками на лбу отплясывали как могли. А было то еще зрелище! Гвалт и суета, наша банда, разгоряченная музыкой, уже не останавливались ни на мгновение, переходя от одной песни к другой. Да они и так были известны – все наши хиты – и тут уж представления не требуется. Кому бы не хотелось побывать теперь в моей шкуре? В моей, всем известного Кейси-аккорда. Я упивался наслаждением нашего величия над очередной толпой. Вы – там, а я – здесь, перед вами, на сцене! Еще вчера неровня вам всем, а сейчас я – Бог! «Блудный сын» – ваш Бог!

Третья, пятая, восьмая песня. Мы шли по сет-листу, и очередные полтора часа опять были выкинуты из жизни, впрочем, как и всегда. И кто бы это заметил? Я кинул взгляд за сцен: Вуду, нацепив очки, и облокотившись на стену, отбивал ритм очередной песни, довольно улыбаясь и даже вытянул вверх большой палец – отличная мотивация во время выступления. Нам скоро на поклон, а ему считать барыши с одного sold out. Так бы и шло. На примитивизм и не рассчитываем. Впрочем, судьба-злодейка играет свою игру.

Я взял микрофон в руки, бросив гитару. Самый сок кон-

---

⁶⁴ Слэм – действие публики на музыкальных концертах, при котором люди толкаются и врезаются друг в друга. Обычно, слэм возникает на различных рэв-и рок-концертах.

церта! Распотрошив толпу на эмоции, я был тем самым энергетическим вампиром, о котором упомянул когда-то ранее. О! Эмоции захлестывали, и это было самым важным моментом.

Я сделал шаг в темноту, на авансцену, и даже не понял, что произошло в следующий момент.

Раздался хлопок, но перед этим краем глаза я увидел летящий сверху огонь. Странно, такого не было в сценарии концерта. Толпа отринула от ограждений, закрывая лица руками. Тут же что-то больно ужалило меня в спину, а первые ряды накрыло мелким градом осколков. У меня за спиной, в каких-то пару футов, упал и взорвался миллионами брызг огромный прожектор, грохнув, как приличный снаряд. Ударной волной меня выбросило вперед со сцены вниз. Я распластался на полу, чуть не потеряв сознание. Какие-то доли секунд я еще ощупывал себя. Очень вовремя рядом оказалась пара охранников, подхвативших меня под руки.

Звук музыки мгновенно стих, оборвавшись на случайной ноте и погрузил концертный зал в полутьму. Мои парни кинулись в рассыпную, спасаясь от летящих в них стекол. Не могу осуждать их – всем было бы больно.

Что тут началось дальше?!

Паника – злейший враг больших мероприятий. Всего секунда оглушающей тишины, а дальше визг, крики, окровавленные руки и лица. Все происходило, как в замедленном кино. Началась давка, первые ряды разом повернулись в сто-

рону единственного выхода и слепо устремились туда, сминая под собой остальных. Охрана пыталась пробиться к раненым, чтобы помочь, но тоже была снесена беспорядочной толпой. Смертельно опасная ситуация в одно мгновение ока стала таковой. Несчастные, кому не повезло неосторожно упасть на пол в ураганной давке, поскользнувшись на кафеле, которым был вымощен пол. Холодные тяжелые ботинки пробирающихся к выходу людей превращали тела в кровавую массу. Эффект толпы, баранье стадо, отсутствие малейшего здравого смысла. И каждый в этом бушующем море пытался спасти только себя, не задумываясь ни на миг о других. Даже крики полицейских в громкоговорители о сохранении спокойствия тонули в непрекращающемся филиале ада на Земле.

Вуду был уже рядом со мной. Он спрыгнул со сцены, и, кивнув помогавшим мне охранникам в сторону зала, закинул мою руку себе на плечо, освободив от тяжелой ноши, и сам потащил меня в сторону кармана сцены.

– Кейси, ты как? – Он был через чур взволнован.

А я только лишь смог показать ему большой палец прежде, чем темнота заволокла глаза.

ЧАСТЬ 2

ГЛАВА 1. Я ЕЩЕ ЖИВ!

Я сидел в баре, проглатывая очередной бокал обжигающего виски. Посмотрел на просвет сквозь стекло и кивнул бармену, чтобы повторил заказ.

На большом экране, позади него, новостной канал раз за разом крутил картинку с последнего концерта «Блудного сына» с пометкой «Срочно!». На бегущей строке внизу высвечивались цифры: двенадцать погибших, триста пострадавших. Сигнальные огни служб спасения и полицейские мигалки ослепляли. Зрители выбегали из дверей клуба, некоторые садились прямо здесь, на тротуар, ожидая помощи медслужб.

– Почему, ну почему так? – я схватился за лицо. Бешеный рык пробежал внутри. Я хлопнул виски, даже не замечая.

– Ладно, бро! – бармен обернулся на экран, продолжая протирать стакан, который держал в руках, потом бросил взгляд на меня и кивнул, – ты в этом не виноват, – он пожал плечами. – Случайность!

– Плесни! – я просто протянул ему пустую посуду.

Что тогда случилось – рухнул прожектор, началась паника. Единая картинка уже посыпалась рябью, части ее просто устремились в темноту. Так странно устроен мозг – отказывается ото всего плохого.

Я даже не представлял всех последствий. А ведь это был наш лучший концерт – пик карьеры. Мы преодолели Джомолунгму или как его еще называют, Эверест⁶⁵. Потом можно было бы просто потихоньку наслаждаться лаврами и легендами, что и так царили вокруг нашей группы, превращая ее в рок-небожителей. А там и до звезды на Аллее славы⁶⁶ или имени в Зале славы рок-н-ролла⁶⁷ рукой подать. И можно было бы списать все на спецэффекты, если бы не весь тот ужас, что последовал дальше.

Я нашел себя дома, на диване. Открыв глаза, увидел рядом стакан воды. Ссадины болели, да что ж за наказание такое! Я встряхнул головой и опрокинул в себя прозрачную жидкость. Рано проснулся. В крохах прошедших суток я пы-

---

⁶⁵ Эверест (Джомолунгма) – высочайшая горная вершина планеты. Расположена в Гималаях.

⁶⁶ Аллея славы в Голливуде – ряд тротуаров по обеим сторонам улицы в Голливуде. Памятник достижений в индустрии развлечений. На ней представлены имена актеров, музыкантов, продюсеров и многих других за их вклад в индустрию развлечений и искусства.

⁶⁷ Зал и музей славы рок-н-ролла – музей в Кливленде, США. Посвящен наиболее известным и влиятельным деятелям эпохи рок-н-ролла: исполнителям, продюсерам и другим личностям, оказавшим значительное влияние на музыкальную индустрию.

тался отыскать сам себя. Хреново получалось. Последнее, что я вообще помнил – падающий на меня огромный прожектор, луч света, что стремительно приближался. Еще бы мгновение – так бы и вознесся над зрительным залом. В конце концов, мои грехи с лихвой позволяли такое роскошество. Да и новости были бы интереснее – лидер группы «Блудный сын» погиб во время выступления, прямо под рухнувшим на него прожектором. Пожалуй, одна из самых интересных рок-н-рольных историй последних лет. Где там Оззи с откусанной головой летучей мыши⁶⁸ или Жи Жи Аллен с какашками на сцене⁶⁹? Сколько лет назад такое происходило? Преданья старины глубокой! Миф, не больше.

Сейчас все намного банальнее: одни ширяются, другие загоняют себя алкоголем, третьи уходят в депрессию, подсаживаясь на таблетки. Какой рок-н-ролл? Где в этом хоть немного свободы? Банальные проблемы наркоманов, алкоголиков и шизиков, а тут хоть какое-то разнообразие. Поле боя, если честно! Вот только все это не отменяет остальных, обретших покой на моем концерте. Так бы получилась чертова дюжи-

---

⁶⁸ Имеется ввиду история о том, что на одном из концертов Оззи Осборн, вокалист группы «Black Sabbath» откусил голову живой летучей мыши, приняв ее за резиновую игрушку.

⁶⁹ Кевин Майкл Аллин (англ. Kevin Michael Allin), более известный как Жи-Жи Аллин – американский музыкант, одна из самых скандальных персон в рок-музыке. На своих концертах выступал без одежды, разбивал себе о голову бутылки, совершал акты дефекации, после чего бросался ими в сторону аудитории.

на, Тайная вечеря⁷⁰. И уже все остальное неважно. А вот как мне теперь с этим жить?

Другой бы, может, и порадовался. К чему уныние? Все, что не доходит до собственного некролога в печатных СМИ – отличный пиар. Да и смерть тоже можно монетизировать. Тиражи альбомов только растут, правда, какое до этого дело лично тебе? Два метра земли над гробом вряд ли принесут удовольствие и дивиденды. Может, единственное, что бы сгладило проблему – последующее воскрешение. Но такой случай в истории зафиксирован только единожды. Да и то, пару тысяч лет назад⁷¹. А вот безутешной семье миллионы долларов не помешают.

Пора было остановиться. Меня несло совершенно не в ту сторону. Я ловил себя на том, что закапываю себя живьем. Еще немного и можно ставить свечи в церкви за упокой. А как же Синтия? А как же Сэм? Хватит траурных мыслей, я еще жив!

Тонкая полоска света под дверью с кухни. Ну кто там еще? Я попытался было встать с дивана. В голове зашумело, еще секунда и я бы рухнул в обморок. Мало того, все тело болело, отдаваясь тяжестью во всех мышцах. Я помедлил, мгла превратилась в одну точку, а потом вроде бы совсем сгинула.

Повел пальцами ног – вроде даже могу идти, надо только

---

⁷⁰ Тайная вечеря – ключевой эпизод Нового завета. Ночь, накануне распятия. Вместе с учениками Иисус составлял чертову дюжину – число 13.

⁷¹ Имеется ввиду Евангельское воскрешение Иисуса Христа.

встать с дивана. Оттолкнувшись от мягких подушек, я встал, накинул на себя халат, лежавший тут же, и побрел на свет.

Господи, если только мне казалось, что все хорошо, то все было отнюдь не так. Сделав пару шагов, меня настиг звон в ушах. Да такой, что даже соседи могли слышать. Он бы дал большую фору колоколам в ближайшей церкви – те звонили гораздо тише. И в эту секунду со всей высоты роста я рухнул на колени. Адская боль затмила сознание. Только бы удержаться, только бы совсем не упасть, распластавшись на холодном полу. Только бы кто-нибудь мне помог, кто-нибудь, пожалуйста!

Так и полз через всю гостиную перебирая коленями. Было тяжело дышать, что-то давило сверху, воздуха не хватало. Главное, чтобы кто-нибудь мне сейчас помог – одна только мысль. Перед дверью в кухню я замер, покачиваясь, подставив под голову руки. Такая слабость обуяла, я даже не мог протянуть ладонь и толкнуть дверное полотно от себя.

– Ты либо мудака, либо у тебя хватит сил, – я не стал себя жалеть. Ни к чему. Но дрожь в коленях говорила совсем о другом.

Что происходит в такие мгновения – отчетливая картинка всплыла в памяти. Тот самый бар, и мои парни за столом.

– Один за всех! И все за одного! – звон бокалов и громкий смех, в котором потонуло все вокруг. Эрл, Хем, Хайер, где

сейчас хотя бы один из вас? Иуды⁷², тот хотя бы был один, а вы что, все заодно?

Я так бы и свалился перед дверью, задыхаясь в неожиданном приступе, если бы она не открылась. Меня ослепило светом люстры. Клянусь, в этот момент я абсолютно был уверен, что тот прожектор с концерта все-таки настиг меня.

На пороге стоял Лайонел. Старый бродяга! Лайонел Шорт собственной персоной. Как же он любит появляться в самый неожиданный момент! Впрочем, мне ли сейчас разбираться в подробностях?

– Ты как? – он в секунду оказался рядом.

А я даже не мог произнести ни слова. Меня штормило, било в ознобе, щелкало в голове кузнечиками и трясло в приступе паники. Я открывал рот, чтобы вдохнуть, и сказать, что все хорошо. Но не получалось. Скорее, все было плохо.

Он хлестал меня по щекам, а я смотрел на него ошалелыми глазами. Единственное, что привело меня в чувство – стакан воды, который он выплеснул мне в лицо. Капли падали на пол, подо мной натекла большая лужа. Но хотя бы это меня вернуло во вменяемое состояние. Скорая помощь бывает разная.

– Спасибо! – я отдышался.

– Еще ни разу не видел тебя таким, – Шорт держал в руках

---

⁷² Иуда (Иуда Искарот) – в христианстве один из двенадцати апостолов, учеников Иисуса Христа. Иуда предал Христа, выдав первосвященникам за 30 серебряников.

пустой стакан, не зная куда его деть.

– Повезло, – я вытер холодные капли и скинул мокрый халат. – Надеюсь, первый и последний раз.

Он помог мне встать и усадил на высокий барный стул за кухонным островом⁷³. Сердце билось в ритме загнанного зайца. Еще не хватало отсюда сверзиться.

– Тебе не предлагаю, – он отвинтил крышку с бутылки Jack Daniel's и плеснул в бокал коричневой жидкости.

– Почему? Может, и мне поможет?

– Может, поможет? – он передразнил меня. – Ты и в жизни разговариваешь стихами? Или пишешь новую песню?

Я протянул ему пустой стакан с огранками по бокам, который нашел на столе.

– Заткнись уже и налей, – сказал я уверенно. – Ты мне не мама, ты – мой продюсер.

– Тоже хорошие слова. Запиши, используешь для своей биографии. – Лайонел, запнувшись на мгновение, и все еще пристально рассматривая меня, опрокинул бутылку, – твоя смерть будет на моей совести. И эти слова тоже запиши. Фанаты хотя бы будут знать, что я отговаривал тебя. Включи телефон на запись, я не хочу, чтобы меня привлекли к уголовному делу, как Конрада Мюррея⁷⁴. Ты сам, все сам...

– Заткнись, – я оборвал его, – тебе-то что переживать?

---

⁷³ Кухонный остров – отдельно стоящая рабочая зона кухни.

⁷⁴ Конрад Мюррей – личный врач Майкла Джексона, обвинен в непредумышленном убийстве певца и приговорен к 4 годам тюрьмы.

Тем больше денег у тебя будет, – и опустошил стакан один глотком. – Ты ведь не идиот. Понимаешь, о чем я.

Конечно, мистер Шорт не из тех, кто не понимает намеков. Прощелыга, что с него взять. Но умный бобер! Впрочем, и эта крамольная мысль никак не могла уложиться в его мозгах. Он облокотился локтями на стол.

– Дурак ты, – Лайонел посмотрел на меня. – Ты тоже видел новости?

Я кивнул.

– Продажи билетов подскочили на миллионы процентов! – кто о чем, а вшивый о бане, – все раскуплено, sold out⁷⁵, мальчик мой! – его глаза горели, и даже неважно, что еще пять минут назад он видел мой почти труп. – У нас вся жизнь впереди! Вообще у меня родилась идея – давай сделаем падающий прожектор частью шоу. Многим понравилось!

Я поднял взгляд.

– Сомневаюсь, Шорт, – я взял бутылку и махнул себе виски. – Особенно, тем, кто, кто умер.

– Им уже ничем не поможешь, – он махнул рукой, – помянем, – и залпом опрокинул бокал. Я последовал его примеру. Виски обжигало горло, но, свалившись в пищевод, отдалось приятным теплом. Лайонел, не моргая смотрел на меня. – Компания пошла навстречу и готова выплатить по миллиону долларов семьям погибших. А об этом в новостях скажешь ты. Издержки производства, что поделать. Не думаю, что та-

---

⁷⁵ Sold out – понятие, когда все билеты на концерты выкуплены заранее.

кой поступок опустошит наши счета. Тем более, это их деньги...

– Все лучше, чем похоронная колонка в New York Times, – я усмехнулся, поймав себя на мысли, что он загоняет меня в ловушку. Мне бы стоило отказать, но картинка схлопнулась, обернувшись положительной стороной. Лучше уж так, чем совсем никак.

– Лучше, да! – мне показалось, что между нами пробежала искра.

– Ты для них та самая золотая рыбка, или джинн, что исполняет желания. Золотое руно⁷⁶, если хочешь.

– Ну, если ты так считаешь... – мне нечего было ответить.

– Тогда договорились! – он протянул руку, и я хлопнул по ней пятерней.

– Да, договорились.

– И еще... – его улыбка вдруг исчезла. Он стал серьезен, губы вытянулись в тонкую нить. – Извини, что сегодня. После всего, – он развел руками. Долгая тишина упала между нами.

– Ну... Что еще? – я смотрел на него.

Лайонел плеснул себе в стакан еще виски и молча выпил. Я смотрел на него не моргая.

– Что? Что? – я почти кричал. – Ну что же, твою мать!

– Герберт умер, – после долгой паузы произнес он.

---

⁷⁶ Золотое руно – в древнегреческой мифологии золотая шкура барана. По преданию, руно стало магическим гарантом благоденствия греков.

В ушах опять зазвенело. Жизнь резко дала резкий крен, будто я дернул ручник, летя по шоссе на скорости двести миль в час. Что, слишком резко? Окей, тогда все по порядку.

ГЛАВА 2. ГЕРБЕРТ

Славный Герберт Уэлш, фронтмен группы «Парк Динозавров», из той странной когорты друзей, что, вроде и близок, но встречи с ним были столь редки, и к постоянному кругу общения он относился слишком посредственно.

Мы познакомились на одном из концертов, кажется, в Фениксе, где по досадной ошибке организаторов, или по счастливому стечению обстоятельств (тут уж как посмотреть) оказались одновременно. Как подобает в таких случаях, знакомство началось с перебранки, кто будет выступать, а кто быстро соберет свои монетки и отправится домой. И даже перед самым выходом на сцену мы все еще не могли прийти к правильному решению. Мы же рокеры, а не рэперы, которые при любом удачном случае достают револьвер. Наша стратегия – слова, а не пули.

Герберт с парнями оказались крепкими орешками и не собирались давать заднюю даже при виде Эрла, который мог бы всех хлопнуть как мух, особо ничего не заметив.

– Иисусик! – я вышел на передний план. Ох, как меня раздражала внешность Герберта – волосы в завитушках, усы, борода. Да и рост под два метра – я смотрел на него снизу-вверх. – Давно бигуди-то забыл снять?

Герберт ничего не сказал, просто молча натянул темные

очки на глаза.

– Что, софиты мешают? – я позволил себе вольность, хотя понимал, что тот уже готов накинуть мне хук с правой, а потом, если удержусь на ногах, еще и с левой руки. Но все-таки негласный закон не бить музыкантов по лицу его сдерживал.

– А тебе никогда не говорили, какое ты говно? – его голос заполнил гримерку.

– Не говорили. Ни разу, – я оскалился. – Гуано⁷⁷ или так, из-под дворовой собачки?

Хайер тонко хихикнул. Я обернулся, зло прищурившись. Тот, заткнув рот, и, проведя пальцами по губам, словно закрыв молнию, махнул рукой, дескать продолжайте. Через мгновение я вернулся к словесному спаррингу. Как же неприятен был мне тип, возвышающийся надо мной!

– Так вот, – Герберт почесал бороду, – ты как раз самое настоящее, человеческое. Ты – человек-говно! – он поставил восклицательный знак. Ржач парней из «Парка динозавров» заполнил закулисье.

– А знаешь, что, Иисусик, – наступила резкая тишина. Мои губы постоянно двигались в ритм с мыслями, я пытался найти достойный ответ на брошенную им колкость, ударить побольнее. И даже мистер Шорт молчал, на всякий случай, прижавшись к стене, – я в видах говна не разбираюсь!

Настала очередь поохотать и для моих ребят.

---

⁷⁷ Гуано (исп. guano от кечуа wapu) – разложившиеся естественным образом остатки помета морских птиц и летучих мышей.

Слово за слово, повышались тона, легкая перебранка переросла в серьезную ругань. Здесь, за сценой, уже раздавался отборный мат! Где такое видано, чтобы две отличных группы – кумиры молодежи – собирались порвать друг в друга в ключья?! Еще вот-вот и полетят клочки по закоулочкам. Силы были равны, но, в конце концов, кому петь сегодня на сцене? Музыкальное братство очень хрупко. «Блудный сын» против «Парка динозавров» – такое бы закинуть в газеты.

Обстановка была накалена до предела, искры раздора не просто летели с разных сторон – еще чуть-чуть и занавес воспламенится. Хай, предвидя печальные расклады для любимой Энджи, аккуратно убрал ее в сторону и уже оглядывался в поисках того предмета, которым можно было бы садануть по голове противника. Еще мгновение и десяток человек будут кататься по пыльному полу в окружении разбитых инструментов.

– Тише, парни! – перед нами неожиданно появился Джой – один из организаторов несчастного концерта. Он ворвался в наш переполох и поднял руки, разводя огни на разных берегах. – Стоп, стоп, стоп! Мы так не договаривались, – видимо, им удалось-таки сложить простую формулу и понять, что если ничего не предпринять, то и они останутся без концерта и без денег. И, в лучшем случае, будут погребены под останками клуба, как Хиросима после ядерного удара. А, признаюсь, драка рок-музыкантов могла бы быть пострашней. Да что уж там говорить, даже бойня феминисток за расческу

для усов все-таки оставляла шансы на жизнь.

– Конечно! – я ввинтил слово.

– Конечно! – Герберт кивнул, сложил руки на груди и пристально уставился на него взглядом из-под очков.

– Тогда... тогда бы почему вам не выступить всем? – Джой мялся. – Представьте какой сюрприз будет для фанатов. Две любимых группы на сцене в один вечер! А, может, тандем? Супергруппа⁷⁸ – такого у нас еще не было!

– И не будет, – Герберт грубо оборвал его. – Две группы – два отделения – две цены. И мы выступаем после них, – он не спускал с него очков, – супергруппа, придумал тоже. Неужели ты думаешь, что мы будем играть с этими... этими... – он щелкал пальцами в поисках подходящего слова. – Гуано!

– Недальновидно, но я соглашусь. Пускай сегодня выступит «Блудный сын», – перебил я Герберта, пропустив мимо ушей очередную колкость, – а завтра – «Парк Динозавров». Вы и так слишком старые! Вам миллионы лет, с вас не станет. Сделаем доброе дело. Ведь если мы сыграем в один вечер, кто-то мигом лишится всех фанатов. И точно не мы, – я расплылся в улыбке, – а как раз и получится, что вы выступите после нас. Боюсь только, что завтра уже никто не придет, – «Парк Динозавров» меня уже достал до кишок. Парни здесь совершенно не при чем, это наши с ним разборки. Но

---

⁷⁸ Супергруппа – термин, появившийся в конце 1960-х годов для описания рок-групп, все участники которых уже получили широкую известность в составе других групп или как сольные исполнители.

если они такие старые и упертые, что не в состоянии понимать шуток, то явно в местной больнице будет пополнение. Слава Богу, Эрл не при деле, хотя кулаки его были наточены. Мне же как-то не улыбалось провести ближайшие пару дней на больничной койке.

– Да ну? – Герберт хищно ухмыльнулся. – Готов ставить весь гонорар, что если они увидят на сцене вас, то дружно пойдут требовать не только деньги ни за что⁷⁹, но еще и компенсацию за моральный ущерб.

Он принял игру.

– Тебе, наверное, нравится выступать бесплатно? – дерзнул я, – все не избавишься от привычки получать за выступление банку пива?

– Нам хотя бы платили пивом, – парировал Герберт, – а не угрожали начистить морду, если мы не выступим.

Я улыбнулся еще шире. Напряжение спало, словесная драка перешла в дружескую пикировку. Кажется, Герберт был того же мнения.

– Ладно, я так понял, болтать ты мастер. Может на деле докажешь? – я провел по струнам гитары.

– А почему бы и нет? Где там ваша сцена? – Герберт кивнул Джою, который, судя по его виду, еще не понимал, радоваться или писать завещание, – музыка рассудит. Иди объявляй!

---

⁷⁹ Имеется ввиду песня группы Dire Straits «Money for Nothing».

Мы были королями на сцене. Какой там «Парк Динозавров» – как были архаичными достопримечательностями, так ими и остались. Хотя, если сказать правду – это был отличный концерт! Зал ревел от восторга.

Сначала «Блудный сын» пошел по хитам, сменя «Следуй за мечтой» несколько первых рядов и рискуя обрушить стены и без того небольшого клуба, потом Герберт с его ребятами басами пробивали дырки в стенах, словно по время Второй мировой. Я прямо слышал, как падают снаряды. До этого было недалеко, еще чуть-чуть и можно было бы выносить раненых.

Я подмигнул Герберту. После последних аккордов мы собрались в круг.

– Готовы?

– Готовы! – Герберт кивнул.

– Нет вопросов! – парни были только «за».

Мы начали отбивать ритм ногами, помогая себе хлопками рук. Феерическое зрелище! Через мгновение зал потонул в грохоте, а мы с Гербертом в два микрофона выводили всем известную фразу «We will rock you!⁸⁰». Музыканты ударили по струнам, чем вызвали у зрителей сущий экстаз. Одно единение с залом, один мощнейший музыкальный порыв. Представляю, как потекли некоторые телочки, кому-то приходилось сдерживать их. На сцену полетели лифчики и трусики самых разных расцветок и размеров. После такого

---

⁸⁰ Песня группы Queen «We will rock you».

все действительно были бы не против заплатить вдвое, а то и втрое больше за билет. Организаторы были довольны, а как довольны были мы! Джем-сейшн⁸¹, супергруппа, легенда – что это было?

Как же после этого мы могли дружно не обмыть совместный триумф и не выпить за столь странное знакомство?

Безусловно, я меньше проводил времени с Гербертом, чем с остальной командой. Мы пересекались с ним на концертах, в аэропортах, иногда в барах. Всего час или два было у нас на то, чтобы перекинуться последними слухами. Но даже я не могу отрицать его вклад в творчество «Блудного сына». А «Joy» или «Train To Paris» так и вовсе мы написали в соавторстве. Хорошие были времена!

Совместный альбом с «Парком динозавров» вполне заслуженно считается лучшим за последнее десятилетие, по мнению главенствующего Billboard.

Так вот, видел я его не так уж и часто. А если и виделись, то проводили все свободное время вместе, словно влюбленная пара. Мы были влюблены в музыку, и в наше дело. И все дотошные слухи желтой прессы – полное вранье. Мы дружили, как мальчишки во дворе – искренне, отбиваясь от назойливых фанаток. Может, именно они и пускали грязные криволотки? Если не удавалось затащить нас в постель, так хоть так? И не просыхали при встрече, как два пропойцы. Хотя,

---

⁸¹ Джем-сешн – совместная последовательная индивидуальная и общая импровизация на заданную тему.

кому какое дело до двух пьющих в баре мужиков. Кейси Ретимски? Герберт Уэлш? – нет, вы перепутали. Таких «друзей» мы гнали от себя подальше ссаным веником. Ведь мы здесь о музах, о музыке, а вы только для того, чтобы получить автограф. И ладно бы, на пластинке, некоторые были готовы обнажить жопу, чтобы потом показать девчонке. Куда катится мир? А у нас, как по мне, так нормальная мужская дружба.

Однако частенько мы звонили друг другу, в любое время, даже в ночи. Порой, с абсолютно безумным вопросом: «Какая рифма к слову «папайя»?». И часто Герберт даже обижался, если я посылал его на хрен в послеполуночный час.

– Может, тогда найдешь рифму к слову «хрен»? – усмехался он, а я вешал трубку, но на утро перезванивал, – извини, бро!

«Сыны» и «Динозавры» росли, подогреваемые дружеским соперничеством: «чей хит продержится в топах дольше?», «чей альбом будет успешней?», «кто собрал зал больше?». Ну и все в таком духе...

А последние пару лет что-то случилось – мы стали реже созваниваться. Не забыли, нет. То ли стали больше заняты, то ли меньше свободного времени. Звучит странно, ведь у музыканта времени совсем нет – год и так расписан под копиру. Новые песни – альбом – клипы – тур, и все по новой. Но не все так просто.

Однако, что я, что Герберт стали, скажем, менее плодови-

тыми. И дело даже не в творческом кризисе, музыкальном истощении или появлении личной жизни, которой тоже иногда рекомендуется уделять внимание – мало ли историй о звездах, которые в погоне за славой совсем забыли о своей семье? У меня появилась Синтия, он сменил Джулию на Вики. Вот-вот, об этом я и говорю.

Я же старался, по возможности, избегать ошибок звездных предшественников: те самые вечеринки со случайными связями и утомляющими знакомствами и мыслями. Но главное в этом деле – держать подальше от себя заряженный дробовик⁸².

---

⁸² Намек на Курта Кобейна, покончившего жизнь самоубийством, выстрелив себе в рот из дробовика.

ГЛАВА 3. КЛУБ 27

– Что? Что ты сказал? – я ударил стаканом по столу.

– Герберт умер, – Лайонел старался держаться. Зная мою бесконечную привязанность к этому парню, он и сам сильно переживал, – извини, – он наклонился над стаканом, поджимая губы, – он, вроде бы, был твоим лучшим другом.

Я не знал, как себя остановить. Я летел по трассе, и вдруг вылетел в кювет. Кому сейчас лучше – рассудит время. Молчание затянулось. Шорт ждал моей реакции.

– Как это случилось? – выдавил я.

– Ну в общем... – Вуду что-то начал объяснять, размахивая руками. Но я не слышал его, звон в ушах гремел, я не мог уловить ни единого слова. А Шорт все больше распалялся передо мной. В любой другой ситуации я бы счел такую манеру забавной, и, может, даже посмеялся, но сейчас не было и мысли, – полицейские нашли его в ванной. В каком-то отеле.

– Утонул? – я все еще надеялся на случайный исход.

– Нет, – Шорт помялся, – с петлей на шее.

– Черт! – я готов был раздавить стеклянный бокал, который сжимал в руках. Еще чуть-чуть и его грани лопнули бы, оставив на руках порезы – плохо для музыканта, знаете ли. – Это точно? – я метнул на него взгляд.

– Не знаю! – Лайонел был раздражен, не меньше меня, – я не патологоанатом и не полицейский. Говорю, что слышал, – возникла небольшая пауза. Видимо Шорт хотел вставить что-то еще, но вовремя прикусил язык.

Может, я и задавал глупые вопросы, но, в конце концов, кто сейчас осудит меня?

– Ладно, – согласился я, – если не возражаешь, я хотел бы побыть один.

– Конечно, – он сначала посмотрел на меня, потом начал собираться. А я так и сидел, опустив голову, посередине кухни.

Черт возьми, Герберт, зачем ты это сделал? О ком ты думал в этот момент? Обо мне подумал? Вряд ли. А о Вики, о Томи, о Герберте-младшем? Придурок!

Лайонел исчез незаметно. Хлопнула дверь.

– Да иди ты на хрен! – кому я это сказал, поспешно ретировавшемуся Вуду или Герберту, что тоже отмерял жизнь слишком поспешно.

Не знаю как описать все, что происходило дальше. Я не мог думать ни о чем, просто замер на стуле как каменный истукан. Да и мое лицо сейчас напоминало те головы с острова Пасхи⁸³ – такое же безжизненное.

---

⁸³ Остров Пасхи, или Рапану́и (исп. Isla de Pascua) – остров в юго-восточной части Тихого океана, территория Чили. Остров во многом известен благодаря каменным статуям из спрессованного вулканического пепла, в которых, по поверьям местных жителей, заключена сверхъестественная сила предков первого короля острова Пасхи – Хоту-Мату’а.

Завтра об этом напишут СМИ, а мне надо действовать сейчас. Сколько времени? Час, или два ночи, за окном темно, впрочем, совершенно неважно. Я метнул взгляд на стену, где висели часы. Ни хрена не понятно. Слезы затмили глаза, ууу, парень, ты становишься слишком сентиментален. Железный бог рок-н-ролла плачет на собственной кухне. Про меня ли это? Я растер глаза руками – никаких слез. Успокойся, успокойся, ты слышишь меня?! Никаких всхлипываний, ты должен быть сильнее смерти. Хорошо. Я почти успокоился. Но что дальше?

Вики, вот кто мне точно может сказать. Иногда я, конечно, звонил ей, но только для того, чтобы отвезти пьяного друга домой. Заплетающимся голосом объяснял причину беспокойства. Запойные пропойцы – именно такими мы и были. Но мальчишки совершенно не умеют иметь дело с девчонками, и она мне его всегда сдавала. Удивляюсь, как она доверяла ему? Не понимаю.

Сколько я сидел за этим столом затрудняюсь сказать – может, мгновенья, может, часы. Пора, наконец, действовать. В первую очередь я искал на мобильном номер его жены. «Вики жена Герберта» – так, кажется, было записано в контактах. В списке высветилось знакомое имя. Допустим. Ну и как я спрошу? Что сказать? «Вики, ты не подскажешь, Герберт точно умер?» или «Вики, прими мои соболезнования!»

Мой трезвый голос она вряд ли узнает. Вряд ли ей сейчас

было дело до любых его друзей. Звезда звездой, но сомневаюсь, что он слушал мои песни каждый вечер. Еще вопрос – как я записан в ее телефоне? Просто «Кейси друг мужа» или «Кейси с кем бухает Герберт». Тут, согласитесь, огромная разница. Может и скинуть.

Помню, когда Герберт в очередной раз вдрызг накидался в баре, решив попробовать все коктейли в алфавитном порядке. А там наименований было чуть не ли не больше, чем песен во всех альбомах «Блудного сына», ну или шерсти у мейн-куна⁸⁴. Довольно много, поверьте мне. Тогда я набрал ее номер, а Герберт уже отвалился на ближайшем диване, и после того, как услышал ее голос я на автомате выговорил адрес, потом послал ее на хрен, рыгнул и напоследок бросил ей невообразимое «шлюха». А на утро дико извинялся перед другом, который уже получил своего за мою пьяную выходку.

Я грустно улыбнулся, вспомнив. Так что вряд ли я дождусь от нее каких-то лестных слов. Сам дурак, знаю.

Я нажал кнопку вызова. Сердце билось загнанным зайцем. Еще чуть-чуть и я сам отправлюсь в лучшие миры, где мы и встретимся с Гербертом. Впрочем, пока я все еще здесь, а в трубке только долгие гудки. Может, и черт с ним? Зря готовил речь, надо говорить от сердца. Только что твое сердце сейчас говорит, долбанный ты засранец? Ей-то все равно

---

⁸⁴ Мейн-кун (англ. Maine Coon) – крупнейшая порода кошек, которая произошла от кошек штата Мэн на северо-востоке США.

хуже, чем мне. Я набрал в рот побольше воздуха. Тишина, или она не слышит, или ревет в подушку и не просто хочет отвечать. Ладно, я сбросил.

Что же делать? Уу... хитрая собака этот Шорт, а, может, он просто хотел меня развести? – виски ударило в голову. Я налил себе еще полстакана коричневого пойла и выпил залпом. Зачем вообще я звонил Вики? Мне надо просто набрать Герберту и все прояснится – не только по поводу его смерти, но и в моих затуманенных мозгах.

Повелся на уловку-22⁸⁵. Придумал мне тут ситуацию.

Конечно, позвоню Герберту. Вот и ответ на мой вопрос. Кто кроме него самого сможет объяснить всю эту несурязицу? Я ткнул пальцем почти наугад, едва разобрав его имя в контактах. В глазах двоилось от выпитого. Пара гудков, и после услышал голос Герберта на автоответчике: «Вы позвонили Герберту Уэлшу, фронтмену группы «Парк Динозавров», настоящей звезде и чертову гению! И если я сейчас не отвечаю, значит пишу очередную классную песню. Жди-и-и новый альбо-о-ом!»

– Я был бы рад, если бы это было действительно так, Герберт. – Вслух произнес я. Сердце отчаянно билось, грозя выскочить из груди. – Дурак ты тупой, если все так и происхо-

---

⁸⁵ Уловка-22 (англ. Catch-22) – ситуация, возникающая в результате логического парадокса между взаимоисключающими правилами и процедурами. В этой ситуации индивид, подпадающий под действие таких норм, не может их никак контролировать, так как попытка нарушить эти установки автоматически подразумевает их соблюдение.

дит.

Я даже ни на минуту не мог представить себя без него. Мы были братья. Братья по крови, по родству, по песням. Кто еще кроме «Парка динозавров» мог соперничать с «Блудным сыном» на музыкальном поле? Никто, ответ очевиден. Во всяком случае сейчас.

Я дотянулся до телевизионного пульта. Может, «Срочные новости» уже переключились на другую тему? Попробуем что-нибудь узнать.

Сначала черный экран, потом сине-красные огни новостной хроники. Breaking News – самое срочное.

– Известный музыкант Герберт Уэлш был найден мертвым в ванной комнате номера отеля «MGM Grand Detroit». Все подробности трагической гибели в нашем эксклюзивном материале.

Как повезло зрителям! Сначала Кейси Ретимски чуть не отбросил коньки, следом Герберт Уэлш. Два события почти в один день. Рок-сцена никогда так часто еще не избавлялась от своих звезд. Может, там, наверху, планировался какой-то кварталный отчет, и если со мной не повезло, то небеса неожиданно прибрали другого? И так сойдет! Формализм!

Крупный наезд оператора на тело Герберта. Конечно, я узнал его. Тут без вопросов. «Иисусик» – это не просто так: борода, усы, выющиеся волосы по плечи. Тебе удобно лежать в такой позе, бро? Черные очки торчали из кармана рубаш-

ки, их я тоже узнал – Aviator⁸⁶, черти какие деньги он заплатил тогда за них в Голливуде во время нашей очередной пьянки. Предыдущие он разбил в баре неподалеку, доказывая, что «Aerosmith» в подметки не годятся «Rolling Stones», хотя я вообще всегда был за «The Beatles», а он не любил ни первых, ни вторых, ни третьих. Он бил очками по столу с такой силой, что вылетело одно стекло, и дужка погнулась. Герберт сразу метнул их в мусорку.

Мда... Не было никакого смысла звонить Вики. Да и она не взяла бы трубку, увидев на телефоне имя контакта «Мой дружан Кейси». Надеюсь, что это так.

Тут мало жизни, вокруг смерть. И даже в интернете, черт бы его побрал, на первой странице в Google-новостях все одно: Герберт Уэлш, лидер группы «Парк Динозавров» покончил с собой. Какие уж тут сомнения?

«Герберт Уэлш: гений или показушник? Все секреты кумира молодежи» – я спустился глазами чуть ниже. – «Музыка до добра не доводит или кто «заказал» Герберта Уэлша?» – а это еще что за теория заговора? И чем дальше, тем хуже. Ладно, мне ведь пока только узнать в общих чертах.

Телевизор вторил интернет-каналам. Ладно уж, хватит! – Известный музыкант, фронтмен группы «Парк Динозавров», один из самых влиятельных музыкантов был найден сегодня ночью мертвым в ванной комнате отеля, – я бросил

---

⁸⁶ Очки «Aviator», также известные как «капельки» – модель солнцезащитных очков, созданных фирмой Bausch & Lomb под брендом Ray-Ban.

взгляд в телевизор, – его тело обнаружила горничная. Уэлш стал очередным музыкантом, попавшим в условный «Клуб 27»⁸⁷.

Бла-бла-бла. Еще какую-то горничную подтянули, с запуганными, как у зайца глазами. Хм... Симпатичная особа, может он из-за нее и свел счеты с жизнью? Не дала в последний момент. Ха-ха, смешно. Ладно, все это в порядке бреда. Какая там горничная, баб-то ему и без нее хватало. Бедная Вики.

---

⁸⁷ Клуб 27 (англ. 27 Club) – объединенное название музыкантов, умерших в возрасте 27 лет, иногда при странно сложившихся обстоятельствах. Первым оказался Роберт Джонсон, далее Джими Хендрикс, Джим Моррисон и Дженис Джоплин, потом Брайан Джон и Курт Кобейн. В 2011 к клубу причислили Эми Уайнхаус.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.